

Французская пьеса мхорабури XVII в.

Она поражается измѣною Селимена. У него есть доказательство.
Приходитъ Селимена и влюбленные оставяются одни.
Она показываетъ ей письмо. Она утверждаетъ, что оно писано
къ ея сестрѣ. Приходъ лакея, сообщавшаго о томъ, что
Альцесу надо бѣжать, оканчивается актъ. Въ пьесѣ
Данте, Альцесу говоритъ Фрилинду:

Вотъ все, къ чему спосодны вы!

Другъ другу каждый часъ погибаетъ вы куде —
И молла все споситъ? О, мотъ, бѣжитъ скорый!

Модбни зовѣетъ вы, какъ звери вы шивере,

Мнѣ мнѣ прямо въ лотъ и шитъ среди зверей!

Альцесу озааетъ шитъ рѣшетъ Селимена. Она влѣдитъ
къ Оронзоу, зредующимъ зого же. Оба насаиваютъ на рѣшѣ,
чтобы она едилала видѣть мѣжду ними. Являюся Кили,
жанѣръ и Акасъ. Селимена писала шитъ обѣимъ, осмѣи.
быдъ одного въ письмѣ къ другому. Шитъ же заодно осмѣи.
яни Альцесу и Оронзу. Когда все открываея, осмѣиваея
ухадѣтъ, кроитъ Альцесу; Селимена признаея ему:

Мнѣ зорско двадцать мотъ,

А одиногесуо утасно въ эри мотъ!

На эво сила мотъ во мнѣ,

Но... я ваю руку предлагаю...

И узи брачней...

Альцесу. Мотъ, я васъ презираю!

Я васъ узнаю зенеръ вполнѣ.

Прогъ! Мнѣ не надо васъ! Мѣня вы оскорбляи!

Вы никогда заетъ не любилъ,

Чтобы виднеть все во мне, какъ все я виднеть во васъ...
Все объявлено мне вашимъ указомъ! —

Подробное изложение комедии выказываетъ ясно-всю ея недосказку и досужество; зины очерчены мастерски; во зинь Миссера видно поэтъ всю шёлкь, накопившуюся во немъ вследствие людскихъ гонений и несправедлив. восст. Характеръ Саломеи, злой, озлобленной, безжалостной и безсердечной козочки, испорченной общезлобой, во козочку она ошверь, изобразилась художественно и, во сцене съ Арсеномъ, достигаетъ высшей степени совершенства. Это настоящая комедия нравовъ, дѣйствие во ней случится только для обрисовки характеровъ, развѣ же козочкинъ создавался всю интригу пьесы; во ней поэтъ никакъ не условныхъ приемовъ и все комизма ея про. перекладъ изъ изобразилъ зинь. Пьеса упрощаетъ Миссера за отчаяніе добродетели во лице Миссера, но не смотря на всю благородную сторону его жизни, зрелищ, она все-таки мелочна и представляетъ дѣй. сдвигательно комическія черты — раздражительность и преувеличеніе: общезлоба, окружающее Миссера — мелко, пошло, но не до такой степени возмущительно и пре. суждено, чтобы ненавидеть его. Къ нему можно озне. суетъ съ насмѣшкой, съ презрѣніемъ, но Бюшаръ орк. мѣт — значить, придавать слишкомъ большое значеніе его вліянію на чуждаго человека. 4

1) «Мизантропъ» переведенъ въ 1788 г. и. в. и въ 1816 г. Ф. Кокомъ. Каналь. Переводъ В. С. Курочкина (1869 г.) пошлится, хотя не такъ близокъ къ подлиннику и раздѣлнть, такъ какъ переводчикъ гасдо передавалъ славянскій сдѣлъ Миссера дѣлнть и долне русскими сдѣлани, козочкинъ я здѣсь пошлится.

Вместе с лучшим комедием, Мольер написал
 в 1666 году и лучший свой фарс «Доктор по неволле» (de Medicin mal
 volonté) пьесы взрач нах старой сказки. Прекрасный
 язык, комический колорит, живые характеры, ве-
 селость, — все соединено ^{и во французской} в этой пьесе, главная роль ко-
 зорой, Старая, блестяще иезо пародировать французский
 остроумием. В 1666 году Мольер написал для
 придворного праздника пастораль «Мелисерга», затем в
 ее в следующем году «Сицилианец». Тогда же публиковал
 познакомилась наконец с «Тартюфом».

+) а именно эту
 пьеса «Мадридская
 сраба» (de Médico
 de Madrid) Моль-
 ера Перу. Едва ли
 можно считать
 фарс в 1666,
 это дра пьеса
 послужила
 основой комедии
 Мольера, Medicin
 malgré lui (Драма
 по неволле), и
 хотя оригинал
 пропал, не
 подлинно сочин-
 ение, однако саж-
 ет в комедии докла-
 на друг сопостав-
 лены с сообраз-
 ественными Моль-
 ера пьеса Л.
 де Вери. Фарс,
 зато героиня моль-
 ера обрисована
 в италийской
 пьесе, чья в во-
 французской.
 Однако —

Надо полагать, что и наиболее популярная комедия
 Мольера «Тартюф» (закл. же, как и «Школа музыки», «Школа
 женщины» и др.) создана в 1664, что поэт черпал озо
 провинциального дурачества во время своего путеше-
 ствия и, мольер Бург, во дворец озо своих воспитателей.
 Чрезвычайно любопытна быльница изорид этой комедии.
 Мольер работал надъ нею между 1662 и 1664 г.; оудилась
 первое зажа, отъ решилъ представить на сцену въ ма-
 десиде на поддержку молодого короля, который въ то время
 не имъло ничего общаго с казуисами. Мольеръ выбралъ
 чрезвычайно удачный моментъ — версальскій праздникъ;
 отъ представилъ на сцену лавриво пьеску, всю переписавъ,
 ную коммюникантами королева-матери, Хатисеуба козо-
 рою отъ особенно опасался, а позоить подл иучиою свое-
 раво и «Тартюфа» (Tartuffe).

1) В 1817 г. эту пьесу давали в Пярдурте, в переводе А. А. Корсакова, под названием
 «Лекарь на зло быльи». По преданию, ее перевела заимо царевна Софья, сестра Петра Великого.
 2) «Сицилианец» переведенъ в 1766 г.; второе издание 1798 года.

Минюльд три редакции этой капитальной пьесы.

Рукопись этой первой редакции не дошла до нас, но мы имеем данные предполагать, что в ней больше разжоссеи, нежели в нынешней пьесе; Шарлотта в ней — прямо духовное лицо, и если не посвященней пастора думит, то во всяком случае церковница, готовящаяся къ посвященію.

Шульц-проднеуръ не заглушилъ криковъ ханзей², ко- ролева-мать была недовольна; архіепископъ парижскій, пришедшій много намекъ на свой счетъ, подалъ прозвѣтъ „Шарлотта“ докладную записку; пьеса была запрещена, и все, что стало возможнымъ, съглазъ король, было — позо- вать гору къ долу колбаса тиллою ласковыми словами.

Поэтъ былъ сильно возмущенъ; отъ приписавъ два акта и, не сжестиваясь, велелъ читать свою пьесу. Подобно „Торю оръ чина“, „Шарлотта“, недопустимый къ представлению и къ печати (говоришь Карпентьеровъ), расходился въ огромномъ количестве рукописей. Шенеръ прозвѣтъ цело возедало и низиле духовенство: однимъ священникомъ въ Брошюрѣ, поданной королевы-матери, требовалъ соизмененія не только комедіи, но и ея автора. Эта ревность не по разуму по- могла Монсеру: король, не желавшій покровительствовъ ^{Falcoz, Maréchal, Laflamme} вѣтъ салотницать и пѣтъ пастора, разрѣшилъ пьесу къ представлению во дворцѣ, а, собираясь въ походъ, далъ Монсеру черное дозволеніе посправитъ „Шарлотта“ и на нѣ- сколько театровъ, сдѣлавъ оудѣлный мѣста. Такими образомъ, явилась вторая редація, въ которой комедія

носишь название „Обманщик“.

Первое представление прошло съ огромнымъ успехомъ; но обывало актеры объявили эту же пьесу назавтра, но назавтра пьеса была снята съ репертуара, по приказанию канцлера. Въ этотъ же день Мольтеръ отправилъ двухъ своихъ товарищей актеровъ на погосты въ лагерь короля; зная это нуже, шевье стоило около 1000 франковъ, а сущевенной помощи не принесло: король отволакивалъ, что велеть разсудитъ дело вновь; между темъ архиепископъ парижскій разослалъ циркуляръ, запрещающій играть, читать и слушать комедію „Обманщикъ“ подъ какими бы то ни было заглавіемъ. Такъ прошло 1½ года, въ продолженіи котораго циркуляръ, конечно, не исполнялся во всей строгости, принось Конде не разъ съавить „Обманщика“ въ своемъ замкѣ, а читали его по всей Франціи. Въ это время Мольтеръ го, зовишь фрэнсис, или континенто редакцію, въ которой пьеса снова получила свое презиме швд, и въ которой, въ угоду ^{французскому} раику и для избежанія гнѣвъ цензуры, былъ введенъ сатирическій элементъ; къ этой редакціи Мольтеръ при, соединилъ предисловіе, гдѣ говоритъ о высококультурномъ значеніи театра, приравниваетъ комика къ проповѣднику, къ, указываетъ на „моральное значеніе сатиры“ и доказываетъ, что его пьеса осмѣливаетъ не религію, а только канцлера.

Изложу теперь содержаніе „Пародіи“. Первое дѣйствіе на, гинается гдѣсь, что марш Оргона, г-жа Пьернель, замучившая

Тарзюфа, Сираево оставилъ дочь своего сына и ее удерки.
Возле двери его, Дамисъ и Марианна, жена Эльмира, а
братъ Клеанузъ и горничная Дорина, которые весь этот
вечеръ, что Тарзюфа лицелюрь, поговда и пр.

Во входе Дорина рассказываетъ Клеанузу о
Оргонъ (которого кто-то дома).

Мать баринъ помыслилъ и не узналъ его
Съ ^{зачь}поръ, какъ ^{разглянулъ, помыслилъ}взглянулъ въ Тарзюфа своего:
И братъ-то зотерь, цыцелюрь, обидилюрь,
Друзей, женихъ и мать отъ женихъ ласкаюрь;
Весь займи отъ свои Тарзюфу говорюрь
и талаюрь все то, что лицелюрь велиюрь...

Оргонъ (входя, Клеанузу) А! здравствуй, шурихъ мой.

Клеанузъ. Прекрасно сдѣлалъ ты, что поспѣшилъ домой,
Въ деревнѣ скучно бить осеннего порою.

Оргонъ. Дорина!... (Клеанузу). Извини; позволю займуть робото;
Чтобъ успокоиться, хочу сперва узнать:

Какъ все домашнее изводилъ помыслиюрь. (Доринѣ).

Рассказывай скорнѣ, какъ время проводили?

Что дѣлали они? здоровы ли все были?

Дорина. Вчера у барыни ознобъ бить предобной,

Сурдала цыцелюрь день отъ боли головой.

Оргонъ. А что Тарзюфа?

Дорина. Тарзюфа? здоровъ отъ совершенно;

Будилюрь отъ, сураръ, свѣдѣюрь, какъ прежде, неизмѣнно.

Оргонъ. Бѣднѣшка!

Дорина. Вечеромъ и узнаюрь не могла,

Вчера бить ужина въ посылъ она могла;

Все головная боль и мигилает ужасно!

Оргонь. Ну, а Шарзюфь?

Дорина. Одного поужинавать прекрасно:

Она очень надобно две куропатки съели,

И в баранины полблюда усидали.

Оргонь. Бюджиджика!

Дорина. Баранин почти всю ночь сърадала.

Ми на минуточку она не засыпала:

Такой был съраиный снарь, что напугать встала насъ;

И напролежь всю ночь ми не смыкали глазъ.

Оргонь. А... что Шарзюфь? ~~X~~

Дорина. Шарзюфь, поужинавать виллозадро,

Циель сейчас къ себѣ, да вилла ма Боковиро,

На лѣзкую поехалъ; тамель, что снарь пора,

И чай, безъ просина спалъ коротко до утра.

Оргонь. Бюджиджика!

Дорина. Ми ее насилью убѣдили

Рѣшился бросить кровъ и урроль какъ пусдали,

Болгозми зончалъ те не съало и слѣдовъ.

Оргонь. Ну... а Шарзюфь?

Дорина. Какъ разъ — былъ къ забвразу зозовъ;

И душу подкрѣпави порждочно кадою,

Буздалку осушилъ; но въ цюльго предлагого:

Супруги вашей кровъ возматрадишь вилкомъ.

Оргонь. Бюджиджика!

Дорина. Наконецъ — здоровья, сударя, все давай;

Пойду я къ баринъ и объявлю за счастье,

Что показали вы живое къ ней участие. (Уходитъ).

Клеанту. Дарима, милый другъ, снѣжись надъ рабой;
 Мелюзя ее винишь: снѣжись надъ собой
 Ты поводъ подаешь; гурь зорьско не сердитесь!
 Шаррофова бредитъ закъ, ей-богу, не годится;
 Ты околдованъ швъ, дошло у нас до того,
 Что и мену съ дурьми забвиль зы для него;
 Не зорьско выжались ищъ инициль, но шелаетъ,
 Чтодъ въ дурьмъ веть ешу . . .

Оргонъ. Посрой! зы вздоръ болзаетъ;
 Да знаеш ли его, чтодъ правильно судитъ?

Клеанту признается, что не знаеть его и Оргонъ позономъ
 расхвалываетъ Шаррофа и, наконецъ, говоритъ:

Ахъ! если бы зы зналь, какъ съ нимъ я подружился,
 То другомъ буре его зы бь розне согласился:
 Онъ въ церковь приходитъ не пропускаль и дурь,
 И на колотыль заль сурьмъ прозавъ евеня;
 Его колотыль веть дурь сильно выразилась,
 Что на него, мой другъ, веть взоры обращалъ:
 Какъ зорьско охалъ онъ, какъ зурьмъ вздалъ
 И безпрерывно лбонъ обь зурьмъ охъ сурьмъ;
 Когда швъ я выходилъ, уксъ онъ передо мною,
 Толудилъ: шдуръ мездъ съ водично свдуръ! . . .

Такого господина Оргонъ пригласилъ къ себѣ въ дурьмъ
 и совершенно измѣнился подъ его влиятельнъ. Онъ оудалъ
 подъ его власть не зорьско себя самого, но даме передалъ
 ему опеку надъ своей шеной:

Онъ даме о моей забодитъ шеной;
 Все знаеть: швъ и охъ калъ, и что она зорьскетъ,

И нѣтъ усердія къ ней всякого ревнителя.

Намъ Эрозъ чловѣкъ жемлаезъ сродно бланъ -

Что словно мимнее, улыбка, казидый шагъ -

Все кажедъ ему унастанымъ прегрѣшенемъ.

Намизанъ жекезали, отъ дашедръ поученемъ!

Тѣвердиръ, что грѣшниканъ отомкнургея поря;

По добротѣ своей жемлаезъ вѣталъ добра.

Тѣдеславсе, роскошь, блескъ, богачезво ненавидиръ

И, наконецъ, заковъ, что люди не обидиръ.

Позтому отъ (Орлонъ) хогеръ выдартъ за него своего доч. Самъ
герой комедіи является родско въ зреломъ драматургіи.

Тѣарзюфр. (убидя Дорину, громко говоритъ своему слугѣ, за
сценой). Аврензиръ! Я иду; спрячь плеръ и влакннцу;

Позомъ помие, прои навенцу царнцу,

Да озаритъ редъ. - А если про придеръ,

Скаши, что барнанъ звои въ земницѣ раздаеръ

Давнѣя еборнѣя.

Дорина. Франкшное зворенсе!

Тѣарзюфр. Тебѣ что нуоно?

Дорина.

Мнѣ...

Тѣарзюфр. О босне! искушеме (подаеръ Доринѣ свой носовой платокъ).

Возьми платокъ сперва, а послѣ говори.

Дорина. Зачемъ?

Тѣарзюфр. Прикрой нѣтъ грудъ; какъ можно - поможри -

Маруци высравляе? ... предмежи вѣтъ жокіе

Поидатаръ мвемъ въ насъ прегрѣшнвѣя, плохкѣя.

Дорина. На искушения все надки, и сейчас
 Мое прескоромно распадаея злоба у вас.
 Не понимаю я, что вас так разбираея,
 А я не так слаба, кровь менее играея:
 И хоть разотысечь орь пошь до головы,
 Мель и зылошь ветель не содлажше бы.

Шаргофь. Событию редь утворюея выражешь я,
 Не го я удалюс.

Дорина. Исполнше порученсе,
 Гиду я: Бараня шелеея видошь вас
 И просишь подождате; — она придея сейчас.

Шаргофь. О! сь удобоисхвиеше.

Дорина (въ сторону). Не доет, какъ разь свлчшея!
 Такъ не ошидлаея я: въ Эсмиру ошь вышдшея.

Шаргофь. А скоро ли придея?

Дорина. Должна придеи зовтаея;
 Такъ зотно — борь она, сь ней ошавляю вас (уходит).

Шаргофь. Да благодаея на васъ Господня шеношелея,
 И въ зело, въ душу къ вамъ здоровсе сь ней пролсея;
 Да бошь благословишь вето ваму синзе во вееше,
 Смирешной радь его лишь молчед о зоме.

Эсмира (въ сторону). Веруемсе въ разговорь всема виеконоарно.
 (Троико). За Богопомощею вамъ я ошемь благодарна;
 Но свидете... прому... ловите будея наше. (Сядея).
 На зтомъ свиданш Эсмира пыхаеть озговоришь Шаргофа

отъ брака съ Марианною, предложеннаго Оргомъ. Шарзюфъ пользуется случаемъ и очень рѣшительно дѣлаетъ званіе сво-
его почитателя любовницею декларациою. Давшись подслушивающу
его признанію и доносивъ обо всемъ Оргому, который, однако,
мысли не вторитъ, вѣнчаетъ обмануемой хитрымъ смисленіемъ
Шарзюфа, и даже въ ея вѣнчаніи сына изъ дому. Тогда
Альмира, не видя никакого средства разоблачить обманщика,
устраниваетъ новое свиданіе съ Шарзюфомъ и убѣждаетъ
любовника сдѣлаться подъ ея кровомъ, чтобы можно было устроиться
въ коварствѣ свиданіи. Въ лучшая сцена пьесы — въ гезвер-
домѣ двѣнадцатой.

Шарзюфъ. Вы прислали сейчасъ изволить за мной?

Альмира. Да, съ вами надобно оцѣдиться лишь одной;

Но чтобы кто нибудь не подсмотрѣлъ за нами,

Поскачуйте, вы все кругомъ запираете сами. (Шарзюфъ
запираетъ двери и возвращается) . . .

Мой мужъ безъ намѣднѣ влюбился въ васъ — и стало

Отъ васъ подозрѣвать не думаемъ ни мало,

А въ доказательство, приказываю мнѣ

Маргою съ вами быть всегда наединѣ.

Мы оба, какъ жена и другъ, ему послушны,

И если зогно вы ко мнѣ неравнодушны,

Что не смѣя, что я послѣдствій зрѣнницу . . .

Я, могла бы, за все одогно васъ прощу.

Шарзюфъ. Позвольте мнѣ . . . придти въ себя отъ удивленія!

Но вы за часъ советель другого были мнѣнны.

Алмагра. Ах! если разсердилась вась давнишній отказъ,
 Такъ видно женщины загадкого дѣла вась,
 И вы не знаете, что зракъ зацѣпляется
 Безъ досады самое, что въ слабости признается.
 Мелодрама-тъ, чтобъ женщина на все развилась вступитъ,
 Мелодрама-ея въ своей любви признается вступитъ!
 Мелодрама, и любить... во всемы находимъ затрудненое...
 Но гасло наше отказъ похотѣе на позволеное.
 Возь до чего дѣла вась забирется я могла!
 Вы сами видите, а вѣдьмы пренебрегла.
 Если безъ оуба на это я развилась,
 Скажите мнѣ: къ чему за вась-бы я безупилася?
 Къ чему-бы упрашиваю Дамиса ерала я,
 Когда-бы взаимноее губево не убилася мнѣ?
 И, наконецъ, когда я свадьбу зракъ мнѣвала...
 Не знаете ли, что я вась давно ревновала?
 Не знаете ли: что вы мнѣ правились еаной,
 И что я не могла вась уступитъ другой!

Парзюфъ. Такая искренноее изъ вашихъ црѣ прелезливиль
 Прекрасное вѣдьмы дѣла и радоеей небесныхъ!
 Я губево... что я возгорать гноема,
 И въ небо, каменей, седьное вознесень!
 Вамъ правится - я эту небесныхъ воздаюемъ
 И вся душа горитъ сладчайшимъ гнованемъ!
 Но, между гнѣма, могу-то я сгасливъ бытъ вполнѣ,
 Когда вы, моее дѣла, похотили гоево мнѣ,

Чтобы завлечь меня взаимностью желанной...
 И помышлять моей нежности от Марианной?
 Храбко, когда пошло на искренность у нас,
 Что я подозревал не перебрану вас,
 Пока любовника, въ сомнѣніи дѣлѣ гонимыхъ,
 Вы не допускаете до ласкъ символворящихъ!
 И положили конецъ сомнѣніямъ своимъ,
 Доклали, что я существенно любимъ!

Эльмира (кашлеть, давая знакъ Луизе).

Ахъ, Боже мой! какъ вы безобдуманно стесняетесь:
 Хотя несколько того вы скропнуете пощадить!
 На первый разъ помилуйте и грѣшь доволнѣи быть,
 Что я принимаю вальсъ любви моего открыт;
 Мне мало этого? и, чтобъ не сомнѣвался,
 Луизе-ль сразу вы подвѣдой увѣнчались?

Шарлотта. Но если зорко я и смотрю, и люблю,
 Что это кошечка помышлять желаетъ на меня?

Эльмира. Но вспомните, чтобъ вы насъ сами поучали,
 Чтобъ мы никуда... Блаженъ небеса не оскорбляли.

Шарлотта. О! если небеса играютъ зорко васъ,
 То я на зоръ сечь васъ вразумлю зорче,
 И поученіемъ разсѣлю оубавъ напрасный.

Эльмира. Но Луизу извините... вѣдь это грѣшь усмѣхливъ!

Шарлотта. Это до грѣховъ, го я ихъ знаю лучше вѣдалъ,
 Но мелочи стѣсненно счищаетъ за жвнскій грѣхъ.
 Конечно, многое доздойно осужденъ...
 Но знаете, на все есть мѣра смѣхоложденъ.

Смотря по слухам, намъ надо привыкать
Своею совостью свободно управлять.

И можно-ли упрямить того дурного дьявольца,
Кто оштрафует сердечными покаяньями?

Я въ злыхъ правилахъ вась скоро упрямлю, —
И въ доказательство, какъ сурово вась люблю,
Я на единого себя борю свободу —

И зло, и грѣхъ, и все, что зомско вась угодно. (Звонира
кашляеть еще сильнее). Какъ вы раскантились!

Звонира. Да, это безъ конца.

Тарзюфъ. Вамъ не угодно-ли кусочекъ леденца?

Звонира. Мать, кашлю пошу оны вторю не попомню,
Отъ какъ упрямъ и какъ давно меня превозмуж...

Тарзюфъ. Какъ жаль!

Звонира. Да, у меня чухъ слезы на глаза!

Тарзюфъ. Я кончу зломъ, что вась емошоны, по гаси, сурово,

Что наша связь и интъ оказанный ласки

Не могу никакой подвернуться огласки.

Не зло, но двоякъ зла намъ въ обществѣ вредить,

И что за грѣхъ... когда зиконско кто зрѣшишь?

Звонира (кашляя, сручить по столу.)

Я губевуно, что я не въ силѣ заштрафуюсь,

Что я принуждена безъ оговорокъ сдатьсь,

Что убедительнѣе здѣсь бороться не корякъ

И, наконецъ, на все рѣшился какъ велятъ.

Вы согласуетесь, что это слишкомъ баловно.

И если женщина увлекется неволью,

И розь, кого она предпочитаете всамь,
 Не чьтисидаете, къ негасило, микталь,
 Ямырельмо ее склоняете къ послушанью,
 Шо надобно-зав его покорежубае жаланью.
 Повинование еере обцие¹ нань удаль.

Не розь-ли виноваре, кто зэго лозталъ?
 Я за посидежвй себя не обвиняю!

Шарзюрге. Помилуйте, за все одинъ я орвогано!

Эльмира. Но я боюсь, чтобъ насъ подслушавъ кто не мочь,
 И какъ нибудь мой муръкъ мейя не подозрееть.

Шарзюрге. Какъ эзи мелочи вавь въ голову приладяе!
 Вьдъ отъ нэе рталь, кого свободно за носъ вадяе:
 Проерой, стьшнай, поуделитиний геловань
 И нань покортыйиний слуга на цытай вьталь.

Эльмира. Утобъ ни било, но мнь просидежвско боядья,
 Мань надо вьдкого зетер оедерегадья.

Помилуйте, на все вьзглядяте поскортай,

Здэ, кто... и ктоз ли здэсь шпюновъ удверей. (Шарзюрге уходитъ).

Оргонь (взвываетъ изъ-подъ езола). Ну, по далоу мейя зэ покараль, Создавалъ!

Штнер-зо я узмань, каковъ Благоури-дженъ!

Эльмира. А! наконецъ и зэ къ нань вьполуз со ередомь,
 Къ гелу зтэ стьшнуръ? зедь сидатэ бы подъ езолонь,
 Увселядьясэ бы невинтань обьвселемь
 И отидатэ конца еь ерогескинь зертисемь.

Оргонь. Мозь! зятэ ничего самь адъ не произвелъ!

Эльмира. Меужимъ зтэ зэ зы доеражочненькъ мамель?

Ты бы подождать, пока все совершенно ясно...

И для чего мне людей подозревать напрасно?

(Услышав шум, Эльмира прятается Оргона позади себя.)

Тарзюфр (выходя и не видя Оргона). И люди, и судьба способны совершить чудеса.

Все нуле, в круговых пересечениях все само

И, наконец, во любви своей трикрафт сияющий... (В то

время, как Тарзюфр устремляется с распростертыми объятиями,

Эльмира уходит, и она видна Оргона.)

Оргона (удерживая Тарзюфра). Нельзя ли подождать... О, мучь благоговейно!

Нельзя ли прохладить любовный зной вояжера!

Ты проповедовал лишь христианский долг:

И награждал зрень доверливой рукою...

А ты вопочинишь здесь за мою эленого!

Ах, ты злодей! зачь возь смирение звое!

Ты эзачь-то скрывал предажество свое.

И я глупец, и я закону ворил плузу!

Но конечно — и с глаз далой сво манузу!

Тарзюфр (Оргону). И вы повторите?...

Оргона. Довольно, сударь мой,

И убирайтесь вонь; скорое с глаз далой.

Тарзюфр. Однако ненамного...

Оргона. Ничь, полно, друнь, лукавить;

Мой дом — ты поидаль ли прому сейчас оставил!

Тарзюфр. Мое калиторенье...

Оргона.

Ми слова, горь возьми!

И разеуздай себе ты можешь за дверьми.

Мать, в по горло сурь его проповодали!

М, выгнавъ нрз дому, не знаясь съ Хансманн.

Тарршофр. Не я, скорпай рн салм нрз дома выйдемс воюв,

Отв лнть принадлежишь, и есм принудяево

Доказываеъ свои права и справедливаеъ,

Тто скоро цесарю я держуко квинливоеъ.

М нурз, когда меня оклебеваеъ ложь,

Рюмишь правиделство: кто правь, кто виноварь,

М силою зого ма халсехъ обуздаеъ,

Кро небеса своишь противсубовнть оскорбляеъ! ^{Кинте}

Угрози негодья однако не осуществляюхед. Хозгоно и доносишь правиделству, что Оргоно перенесывалея съ одиммь нрз своишь придрели, приговореннымь юь есылкю, но королю прощаеъ Оргона, а Тарршофра велику посадить въ зторь. —

Вспомниавь, что комедия эта писалея въ эпоху великаго Хансманна, драгонадь, оульмана канцераго зрика — надо удив. лярсея ситалоехи холсера, создавшаго тинь Тарршофра. И позтому не удрено, что представленте пьесы вурчали боюб, шидь предвурзвид. Сначала ее сыграли зювско одиню разь съ разкоини чурьзкамн и передаткого свщцетника Тарршофра въ своееко лице — Танцурьфа. Несмотря на эро, президенту парламента запретишь повзороение пьесы. Паризский архи. опнекоть произнесъ оулучение оуь церкви бедкому, кто будеръ чурарь, слушарь или сморроръ зру пьесу. Младовикъ болъ въ архии, и юь нелю послали испросишь писемное

1) Переводъ Хмельницкаго.

+) Насмешка дворянства, слабостей тизанского бременщика - вискоски, медицины, скисль кропаземей, остротинахъ ученыхъ тизанца Монсеру удалое божь вояжикъ пропозувий; но съ Тарзюфоль отъ долготель дль узнаетъ граница сатурнъ въ зодиахъ ней Франциеи. Призоль Тарзюфъ набилъ свиданникохъ и зеркоть не шайла никакой прики. ни божь побольней удачною насмешкою тизантриа - прозвонитоломохъ маскоулицей надощи.

306

разрешение на представление, факъ какъ отъ даль зодиахъ похри словесное. Но неграбимел крика, подидзого понахи и ханшайки, король будиль назадь свое слово и обещанья зодиахъ вполгодубий разошорзаетъ еще разъ псеу. ¹⁾Тодьско черезъ 5 годъ улучшилась судьба тбеси. Въ 1669г. съ февраля по апрель, Тарзюфъ видероналъ 32 представлений; въ зодиахъ же году разошлелъ два его изданий.²⁾

Слѣдующая заглави комедия ^{1) Amphitryon} ^{1669г.)} "Амфиурионъ" - подражание Плавзу, но сообразлена гораздо лучше и сценичнейше ^{2) Amphitryon} переведена М. Макаровымъ въ 1761г. и П. Свистуновымъ въ 1768 (2-ое изд. 1788г.). Взоряд псеа Монсера, написанная въ зодиахъ же 1668г., "Моранъ Дандевъ" (George Dandin) создала маскереконъ зити обманузало мусна. ^{3) Amphitryon} "Моранъ Дандевъ" или въ снзрание праведениквей мусна пер. М. Казадева, Москва 1775г., 2-ое изд. 1788г.). Предъ псеа ^{1) Sganarelle} ^{1662г.)} "Сганарель" (Житонъ Тарнагона) погравила Монсера въ рѣдхъ первыхъ писателей вельвѣтѣ, ковѣ и народовѣ. Мудей псеа, конечно, замисловована изъ Плавза, но обработана вполне сценично, съ подробно, срднми, котория мого подеказатъ писателю зодиахъ его глудокое знание человетческаго сердца. ("Сганарель" переведена М. Кропозовымъ въ 1757г. - 2-ое изд. 1788г. - С. Аксаковымъ 1814г. - переводѣ не напечатанъ, Д. Сивовымъ въ 1872г., В. М. Орловымъ въ 1849г. и бар. А. М. Росинскимъ - невопынъ - въ 1874г.).

Monsieur de Pourceaugnac (Pourceaugnac) для двора Монсера написанъ веселой фарса ("Пуркомякъ" 1670г.)

1) Переводъ Казадева поитонцевъ въ "Русской Сценѣ" 1865г. Первый переводъ М. Кропозова явился еще въ 1757г., въ Москвѣ (второе изд. 1788г.) и въ передѣлкѣ 1809г. "Ханонель" или "Маскетеръ".
2) - Насмешка сообразивной брамною сдѣлки автора.

(Monsieur de Ponsognas), где ввел сатирическую живописную провинциала, приходящего в Париж; „Великолепные любовники“ — род драматического попури из комедии, пасторали, балета, пантомимы с превращением — и комедией, ^{Bourgeois gentilhomme} Мещанин в дворянстве ^{1670 г.}, в которой описывался образ своего века — суровое мещанство сталося аристократии и дворянства. Пьеса „Мурдена“, мещанина в знатке, не учредил в комедии. ²⁾ Проза комедия-балет „Киска“ также написана для двора, но „Сканенковы пазуры“ имели большой успех в публике. Здесь выведены прекрасные роли прощого Сканена (Scarin) и прощого Меронжа. Високо комическая сцена, когда Сканен, чтобы выманить деньги, уверяет, что сын Меронжа, отправившись осматривать галерею, был убежден на ней пиратом, а скарику только уверить: да какой горь носить его на галерею (que diable allait-il faire dans cette galere. ³⁾ „Графиня д'Эскарбандьер“ предводительница сатирической стороны аристократии, приехавшей в провинцию. В „Ученый мещанин“ ^(Femmes savantes) Мольер описал прелесть педагогика, надутое тщеславие и полную бездарность. Пьеса фривольна и беллизна гораздо выше, чем в „Сатирические мещанинства“, а прищорные поэты Вадюв и Триссоуиона будра с пазуры; в последнем она вывел на сцену извощного аббата Корено — поэта озея Рамбурга, вытерев его соперники и мадригалары. ³⁾

Последнего пессо Мольера был ^{Le} Malade imaginaire („Имминый болшой“). ^{1673.} Унирацион и не вторивий в медицину писавет

1) Эта комедия переведена Свирзуновым в 1788 г. и В. Зодовичем в 1844 г., для Марфы нова, исполнявшего главную роль.
 2) Сканенова Обманки перевел П. Смирнов в 1803 г. и П. К. Тригорев в 1844 г.
 3) Ученый мещанин прекрасно переведен М. К. Дмитриевым.

позволилъ себѣ посмѣяться еще разъ надъ медицинною и меди-
 ками. Титъ Аргана, окружающаго себя всевозможными
 докторами и лекарями, едварагождъ ордаъ дочь своего
 за доктора, и призывающагося первыми, чтобы испи-
 тать губерва сына и дочей — припадешнръ къ лучшимъ
 созданиямъ писателя, а сами доктора, между которыми сядерь
 Диадоричекъ, и припадше Аргана въ званіе врача — верста
 комизма и остроты. У На губерваго предъавленіи этой
 пьесы, во время церемоніи посвященія въ доктора съ кон-
 ершею сдѣлалась судорога; онъ едва могъ окончить пьесу; ули,
 ратющаго перенесли его домой, и залы, въ девять часовъ вечера,
 онъ умеръ, задушеный кровью, лившася изъ горла. Былъ
 только-то минуло 51 годъ. Паризскій архіепископъ оука-
 зался предать тело писателя христіанскому погребенію.
 Нужно было вымараться королю, чтобы позволили двинуть
 свѣщенника въ проводя Монсера на кладбище. Народъ
 былъ недоволенъ званіемъ свѣщенника и, въ день погребе-
 нія, собрался къ дому покойника съ проклятіями и угро-
 замъ. Мать Монсера едва бросила изъ оконъ деньги въ зо-
 ну и званіе зонско сдѣлала съ нерасположеніемъ. Зато въ
 ва вкорѣ же вышла за плохого и малозвѣстнаго актера
 и прожила еще 25 лѣтъ слишкомъ. Бывшася дочка
 писателя увѣкъ какой-то комедіе, позомъ жесившійся на
 ней, но она умерла бездѣтною. У Монсера не оуалось ни
 родичей, ни позомеува.

У Пза комедія переведена — передѣлана в. Полевскимъ и играна въ
 1840 году.

1) Взаимной иной поэты не предлагать своей особенной поэтической области завет лирикой, роману, как Мольеру. Он комедии характеров, граничащей с сатирой комедией, с какой-то характеров (Le Misanthrope и Le Tartuffe), сразит грудо сатирическую комедию нравов (Le Précieuses ridicules, Le Bourgeois gentilhomme) до неодолимого фарса (Le Mécène malgré lui, George Dandin, Monsieur de Pourceaugnac), далее до просодии праздничной драматургической предразвешенной по вкусу беззубого

Мольеру несли Мольера давились давили самими одами. Мольеру предпочитался "жанр комедий": Шарлотта, "Мизантроп", "Школа жеманства", "Мещанин во дворянстве" и "Мнимый больной" по своей живости и юмору не менее значительны. Мольеру — первое и последнее слово комедии во Франции; на его произведениях можно написать слова Мишле: "Промедление убийло будущее". Мольеру олицетворение правды. Ни одним символизмом не изображался карикатурой с законо поразительного вырвостого; комедийного не только засраивалось стидаться, но и задумывался, поэтому то комиком были во все время философов. Они выводили на сцену не лица, но души, представляющие все семнадцатый век. В одиссеях Мольеру говорил мало, но много слушал и наблюдал. Они умерли, как герои на полне сражения. За до во день похоронить народ собрался перед его домом, чтобы оскорбить друзей ослуженного от церкви. Мена Мольера просала деньги долгов, чтобы она разошлась. Это была народная благодарность!

Мэтр герольдский, оскорбительный народом, озверевший Академиком, иными огромные видяние на свой вьюк и на корону, козорый с подобострашеством прислушивался к урокам при дворного камердинера, как президиум короли выслушивали правду от своих муров. Мольеру были похоронены по христиански, только по особому приказанию короля, и в 1792 г. кости его перенесены были с кладбища св. Жозефа на кладбище

Лыбка Мольера упоминается еще жива о здоровой силе XVI в. Они не прозирали замурованы у просодии Лыбка народа, не более цырка о недогадках изобретений — выискала, они замуровывали и свои слоты. Они говорили: "Je prends mon bien où je le trouve."

Этому науку можно было бы...
идущей...
нико права...
иет без...
роди веселой...
драматургической...
Мольеру. При...
фонте не забв...
кажд, то моль...
есть родом от...
обделенной...
звореской...
двухлетности...
были непра...
ривно да...
идеть как...
директоры...
и авторе...
кня вельки...
драматургичес...
миссали...
XVII в. оди...
Мольеру...
приникают...
к шарлотта...
кузнецкому, гали...
скому преданию...
Это на Корне...
но на Расину...
на далост...
создаст на...
ционального...
драму во от...
Беломы свое...
слово...
это совершил...
Мольеру...
хотел и...
В обила...
сри конке...
Дин...
зашмуров...
он замк...

Лафонтена, впрочем ее косяком Лафонтена. Надъ гробомъ
Лафонтена была надпись и его не трудно было найти, но
могила Мольера не была почти никому известна и потому
вырыли на обывъ какой-то гробъ и поставили надъ нимъ
надписку. Теперь на месте старого кладбища — роща
св. Гюстава и, можетъ быть, гурь закоушекъ уральскаго,
какому нуръ подобнаго. ✕

Французская академія поставила бюстъ его въ своей залѣ,
но, въ годовыщину первого смотра по смерти Мольера,
Леканъ наирасно собиралъ деньги по подпискѣ на статую
писателя: иль едва доехало на покупку бюста въ фойе
французской комедіи. Только въ 1843 г. воздвигли на
мѣстѣхъ поэту въ улицѣ Ринельсе, насупротивъ дома,
гдѣ онъ умеръ.¹⁾ Гений Мольера признаемъ всеми, убавка,

занимательныя анекдоты, ередъ цѣлѣмъ свѣдѣнъ,²⁾ и Сень-Бевъ справедливо ска,
по козлову Людовикъ XIV
когда-то спросилъ Бузаль, что великій, кто чинилъ гурь, непреклонно чинилъ
ало, кого онъ сирава
величайшій поэтъ
его, г.е. брата Людо.
виза, и было озвѣ.
заво: "Sire, c'est
holière".

Мольера. Французы называютъ Мольера олицетвореніемъ во
произведеніи комедіи, какъ Лафонтена — олицетвореніемъ басни.
Крипка, разрушительная слава псевдоклассическаго произведенія
Паска и Корнодъ, не хотѣла гений Мольера. Относъ не,
доездки его къ Бурлу, и гробованіемъ въскр, она на упрямствѣ
его даме за фарсы, когдъ Шлегель казался, что Мольера
хорошо заложи въ фарсалъ. Онъ создалъ много произведеній,
бытъ ознанъ комедіи нравовъ и характеровъ. Многие ознанъ
выраженія его комедій сдѣлались народными поговорками.
Онъ обращалъ мало вниманія на шутку и смехъ, развѣзна

1) Мольеръ одинъ изъ многихъ первоначальныхъ великихъ умовъ, великихъ людей, которыхъ не
избрали въ члены Академіи. Не избрали его, потому что онъ не оказывалъ ора званій актера.
Надпись надъ Institut de France, въ жанрѣ политическаго Академіи, гласитъ совершенно верно:
Rien ne manquait à sa gloire, il manquait à la nôtre.

ишь у него гасло слаба; Язык ударяль; но въ созданнхъ
ишь зналь и характерахъ, на первомъ мхехъ сфодръ глудь.
кад правда, знание людей и ишь сердца, мхкая наблюдда.
желтохъ, незимный романихъ. Въ Парижъ выдодур журналъ: Le Moliériste,
посвященный изреленю великаго писателя. Гарнаидъ жонне ишьхъ журналъ имени
Мольера и одну изъ мхкихъ биограрий эрло
позда патеалъ Lotheissen - кнхмххъ. 1

Школа Мольера.

Поэты, въ какой степени оригинальней и въ то же время
творчней духу нации, не могъ не ишьхъ школы и массы по-
драматичей, къ которымъ должиы бхдт привлечены и комиксы,
верунавше съ ними въ гордично и злоефично полемичку мходо.
позмо, что между эрлимъ подражательнымъ же мало мхсто,
кровныхъ дворянъ: общехъво сознало, какими могучими ору.
диейъ являеся комедия въ искусствхъ рукаль. Немногие комиксы
умели рисовать характера, и большинхъво снова вернулоя къ
комедии ишртинги; жонско эра новая комедия уже не выжала
въ проехранехъ, а была приурочена къ краваль эпохи и
гасло срановилася обличительной. Комиксы, пользовавшися
большей популярнохъ, печатали свои лучшия произведенія.
Мазову Мишель Бюйрона, Noel le Breton'a, Шарль Шевьеке, Дан-
кура (Dancourt) и Дюоррени (Charles Rivière Infresny). Эдмъ Бурсо (Edme
(Boursault, 1638-1705), авторъ повтохъ, пхсень, басень, сказокъ, эми,
грахль, написалъ жакне комедии, Эгона въ ироднъ, ^{(Bourna ville),}
^(Bour a la cour) Эгонъ при
дворн и Меркурийъ мхдезничкы (Le Mercure galant). Сирано де
Бернеракс (Bergerac 1619-1655), роваричъ Мольера по школе и по
увлечению философией Тассенди, далго бхл солдаталь, прославилъ

1) О Мольере на русскоиъ Языкxъ мхсто не много. Въ последней книжкxъ Векерку,
ара за 1840 годъ поименова биогрария Мольера Мезцова; въ Собранныхъ 1851г., №.
вад изсладованій о Мольере; „Слово Араго Мольеру“ 1852; „Романъ Мольера“ - Русскій
Кивальдъ 1856г. №257. Ормально бышла „Мольеръ, мхорническая драма въ 4хъ картинахъ,
отъ Зорова, иранный въ 1843г. Въ 1842г. въ Свд. вышло въ 3-хъ томахъ Бюльветъ-Дюневорои,
желный переодъ Мольера отъ прекрасныхъ биограрическихъ предисловийъ Алексаи Н. Писеловаго.
Эрфъ оне Васеловскій издалъ въ Москвxъ въ 1894 году книгу подъ заглавиемъ

«Эруды и Характеристический», где на стр. 85-144 находится огульная монография о Молсере. В этой книге Веселовский говорит и во других местах - Эруды о Молсере, его писани, о Дюль-Мюане и др. сравнивая иль и описывая иль характеры и т.п.

312

своими дуэлями, книжку козорого Flevoires Comiques (ко, итесский Мозорин 1650-1653), по оинвой фразазим и оженри, таскоту охрроулино, снлизаторь доезаймой предметеубеоминцей Свидурова Тузетесубид Туллубера.

Второе весьма следовало Молсеру Рендарт. Jean Francois Régnard род. во 1642²⁾ или ^{1655³⁾} 1656 г. Онь - самый кунца, конзубивший по смерти оуца богатое наследство и оуправившийся тузе, тесрвовазе по Уранию, где во Флоренцию вышодился во за, шудинного шеницину и потыкала провозмазе ее изъ Тенуи, но била захвачена тиразали и продана невольничковью во Алсири, где приобрела расположение своего госно, дима искусствовью рисомазе и сфрдимазе. Но попытка кь Бюгерву заставила сурого обрацамазе сь Рендартю, а ишрри, ги сь мечами госнодима едва не довели его до позорной казни. Позомь Алсирикиань корсарамь била продана во Константинополь. Но спасено рабстве выкупили его, витьсуть сь предметомь его сфрасди, но ее похребовали кь себе шудить, и Рендарт сь горь оуправилель ондзь иудетесрвовазе, на Эзори разь на ставерь, но, сказыль Данино, Сзокгоньомь, загалмь отправилель во Англандию, но Ледовидому океану, вернувшись оуруда, побывалель во Поль, мить, Турцию и черезь Венерию и Германию возвратилель во Францию, поселильель во Париж, где ссозодние его позволило ену кунитзь шовсго казначей и шитзь во роскоши, работае для своего шробовесрвуд. Лучшее отцесрво оукрумало его и шире его во замке Брильонь славилель при дворе. Онь и чинель оуз излитесрва и ^{Montaigne's Essay} индишесрвуд вь 1709 г. - Рендарт поздмо вьзупилель на гезадрально-литературное поприще. Лучший ивеса

1) по Аполлеру Шверну. — 2) по Эдуард Энгел.
3) по Кирпачишкову у Корна; по В. Зозову род. во 1655 г.

Французская история литературы XVII в.

его: „Кокезка или шенская академия“, „Сем-шер, менская драматика“, пасту-актыва комедии в сужахле: *Le joueur* (Мироко), ^(de D'Agout 1647?) „Разсудимый“, „Демокрифт“, ^{„Les Menichmes“ (Менехмы или)} „Влизнецы“, ^(1705?) „Всеобщий завтыцатель“. Во вкых зухь пвсахь ишурра ^{Poissant Dan.} ведена ошень ловко, много веселости, сунди гладки ^{court (1661-1726)} сцены шивы, характеры хорошо очерчены. ^{быль для XVII вика} ^{зате савое, тиб. жин} ^{(скрибс) для XIX-го: ало,} ^{добытыйи снадзурит}

На русское языко переведены его комедии: „За- ^{разра нежкиты Дра.} думчивой“, Влад. Лукинским 1769 г.; „Менехмы или близ- ^{магический зова.} нецы“ 1763 г.; „Нежданное возвращение“ 1779 г.; „Серенада“ ^{роль. Около 60} 1782 г. Модестом Скуловым. Переводы „Мирока“ и „Раз- ^{пвсех написать} судимого“ играли на русской сцене. ^{отъ, изъ которыхъ} ^{лучшеи сужахле} ^{Le chevalier a la} ^{mode (1687). Люби,} ^{мани героями у него} ^{зобские аферисты, но и} ^{хорош красн.} ^{ане. (Возвухъ)}

Изъ современнахь Мольеру писателей комедии ^{Philippe Destouches} пользовались ⁽¹⁶⁸⁰⁻¹⁷⁵⁴⁾ ^{поэти раб.} ^{перед Рамбурю по} ^{сластливой комикто} ^{и гладкози дучка.} ^{Дво его лучшия} ^{нсеи: Le Philo-} ^{marie и Le Glo-} ^{rieux. Тозъ инъ по,} ^{свидней два об,} ^{ше изобретаетъ еи,} ^{камузируются и} ^{сегоидь:} ^{Chasser la nature,} ^{il revient au galop-} ^{La critique est misce} ^{et l'art est difficile.} ^{Ивазуче ка французск.} ^{отъ галониреуеи.} ^{Кридика-гродлеи} ^{вогнеи} ^{и искусство-7 рудтв.} ^{актеръ Реломъ Куассонъ,} ^{умерший в 1690 году; лучшия изъ его пвсехь: „Баронъ} ^{дела-Красеъ“, „Знашой сунасмедий“, „Лозиные Моеко,} ^{визы“, „Большая Дамландия“; — Антуанс Монфлери} ^{(1640-1685), актеръ и авторъ комедий: „Экевролизъ вь} ^{ошелъ Конде“, „Школа ревнивахь“, „Менцима-докторъ,} ^{„Криспенть-двордничь“. Позже своеобразной фразии и} ^{позуиеской силы эго — Лепранъ (Lepant),} ^(превосходивший) ^{свои правильная пвсехь своей сверкающей остротами,} ^{и оригинальной драмой), Кароль уфонинъ. Тортоисъ} ^{(Vigneux 1640-1723), сначала прозесахуръ и адвокатъ, потомъ} ^{каюиеский мотяхъ и авторъ богословскихъ сочине-} ^{ний, писалъ болшого частю пвсехь внтоухъ съ Палайра}

1) *Le joueur* (Мироко), эго — самая лучшая изъ его пвсехь, написанная в 1696 г. Она содержитъ юмористическое описание подвижной жизни одного перока, божь улюб. мения характеровъ, но богата оентъ веселыми сужахли.

2) *Le Legataire universel* (1702), эго — очень неудачная комедия, полная остротъ, но с болшого невъзмехва чухеухъ. Иначе —

(Palaprat 1650—1724) ^{des Bouillans}, "Воружень", "Открытие тайны", "Равни-
ной концертур" и передателем, "Адвоката Пазелена"; Па-
лапра одинъ написалъ комедии "Цирюльщикъ" и "Тордескъ".

И народная шутка Мольера, повидимому, стоить
прозванная духу литературы того времени, имела себя
утопителей; не безъ его ходъ бы косвеннаго вліянія,
въ замечуванній вѣкъ Людовика XIV, два разаго
это упомянута драматурга (Виньс и Palaprat) вѣд-
лишь — какъ уже сказано — за передатку старофранцуз-
скаго фарса объ Адвокатѣ Пазеленѣ. Это самый изъ
вѣстныхъ фарсѣ XV столѣтія, незабытой и позднѣе, —
какъ мы видимъ — даже удостоившіяся передатки въ
вѣкъ Людовика XIV; въ основу фарса положены на-
родный анекдотъ. Авторъ ранней редакціи неизвѣстенъ;
подвліяніе ея относится къ 70-ымъ годамъ XV вѣка. Пьеса,
создающая изъ пошлости слишкомъ зыбленіи стиховъ, со-
создавъ изъ зрѣлы сценъ. Въ первой Пазеленѣ, нѣкто
въ родѣ коварнаго лиса въ образѣ чаловѣка, прихо-
дитъ къ суконщицѣ въобразъ себя на платель Картеринъ;
онъ безобдуманно льститъ хозяйку, расхваливаетъ его
оуца и дѣда и, наконецъ, выбираетъ подходящій ку,
сокъ сукна. За деньгами хозяйку должишь придти
къ нему на домъ въ дождь же вечеръ. Взорая сценка
въ домъ Пазелена; суконщица вуртосаетъ жана Па-
зелена и со слезами объявляетъ ему, что музавъ ея

при смерти больного. Добродушный купец вводит
 в спальню больного, находит его в страшном бреду
 и удивляется, забыв, что до выздоровления он еще,
 вая Пазелена в покое, а если жор, того не дай Бог,
 умреть, он и вовсе осуждается отъ иска. Эта сцена
 — передъ судомъ на площади. Къ Пазелену какъ къ
 адвокату, обращается за советомъ пасуль, которого
 хозяинъ привлекъ къ суду за то, что онъ продалъ его
 овецъ. Пазеленъ советуетъ ему на векъ вопросы судьбы
 отъотчае золько бээ! бээ! Торъ посподобалъ его совету.
 „Твой пасуль — игоръ, говоритъ судьба хозяину: какъ
 зедь не судно было поругать ему суду! Что съ него
 возьмешъ?“ Такимъ образомъ пасуль оправданъ.
 Пазеленъ предугаетъ съ него условленный договоръ. Бээ!
 бээ! отъотчае ему хитрый пасуль. Пазелена позднѣе
 распространяли, внося въ пьесу другіе анекдоты о мо-
 шенническихъ проделкахъ. Въ одной передѣлкѣ Па-
 зеленъ приходитъ къ миховицки, забираетъ у него
 мѣхъ бѣдо бы для пона, къ козороку жоръ долженъ
 образиться за даногами, а пона онъ предупреждаетъ,
 что къ нему придетъ отъигрывать сумасшедшій,
 козоровъ помышлять въ жоръ, что ему должны деньги,
 и за какой-то мѣхъ. Всѣ комизмы въ сценѣ
 увѣщанія мнимага сумасшедшаго. —

Школа Мольера распространяетъ о всей фран.

+) 1/2 1/2 1/2 1/2
 die fabelte von
 abentur d'afrika

узской комедии следующего столетия и еще дальше.

„Легкое направление или легкая“

поэзия французского классического периода.

Согласен, как напр.; Король Уронин Лопраса, ^{показывали} доказывали даже на сцене, овладеваемой усилки- бездумными правилами Буало, что гибкая ^{или суров} герца французской жизни и французского нрава ^{указывая и} произвела - про, увидала остроту разсудительности и элегантною доустройству классической школы. В течение всей эпохи Людовика XIV обнаружил ^{то} свое уединенное и тихое соприкосновение, ^{способствование} легкого, веселого понимания жизни и никогда не собственно угрожающее склонности

французин. ^{Тогда же, во господстве во Франции} Напротив ^{классическому направлению} классицистическому направлению ^{дело,} не осмелили ^{выступить против} сюда обратиться ^{западное} западные ^{ссылались на} ссылались на ^{традиции классицизма} традиции классицизма, но ^{они существовали, они} они существовали, они ^{и 107 году} достигали ^{высокого} высокого ^{видов} видов.

Если бы во время господства нового классицизма в какой-нибудь стране бед поэтическая производительность ограничилась одами, эпическими, дидактической и драмой, люди разучились бы читать; самая безумно, ризменная ода, даже вычтенная ветхими пастухами, займешь публику не надолго; самая высокая эпопея даст материал разве для нескольких вечеров, лишь рецитаций; трагедии и комедии пишущая не для театров, а для театра. Треск, зомкавившийся

†, Le roi de Cocagne

цельный день в публичных театрах и гимназиях, живший полной общественной жизнью, мог добывать своею Топеранью и зрелищами; а человекам новой Европы, привыкший, еще со времени сидения во французских замках и в узурри укрепленных городов, королям свой дворец дома, нудился в тени обилия и замкарейства. Одна из ранней записки, гениальность слабая спором логикоклассической теории да, что она должна была обходить презрительными молниями как называемую легкую поэзию и романом с повествованием, козоре, однако же, существовали повее, мезно и несли больше действительную судьбу, несли вся высокая поэзия, вместили взград. А во Франции, во силу особенностей народного характера, легкая поэзия играла особенно видную роль. (А. Кирпичников).

Любопытно, что даровитый предшественник, французский славянский описатель басни, извездный до сих пор, и не только по имени, старому и малому, шиле и звориле именно в период неограниченного господства теории, выказывавший от первого обращения к эзону, извращению вкуса.

Знаменитый поэт этой группы — Матье Лафонтен, 1621—1695. французский (Jean de La Fontaine). Он родился в 1621 г. в Шатоверри (Chateaufort) в небольшом городке провинции Шампань, где он жил, до

узской комедии следующего образца и еще дальше.

"Легкое направление или легкая"
поэзия французского классического периода.

Согласен, как напр.; "Король Узон" Лагранжа,
 доказывали даже на сцене, овладеваемой ушкими-
 бездумными правилами Буало, что гибель герца французской
 жизни и французского права ^{или сущности} произвела — про,
 звалила озорной разсудительности и элегантною
 догматизму классической школы. В течение всей
 эпохи Людовика XIV обнаружилась ^{способность} чужое и чужое
 соприкосновение, легкое, бесцельное почитание жизни
 и никогда не составило ^{продолжения} ^{его господства} ^{во восточных} ^{частях}
 франкозии. ^{Вместо} ^{классического} ^{направления}
 не достигли сюда ^{зачем} ^{зачем} ^{зачем} ^{зачем} ^{зачем} ^{зачем} ^{зачем} ^{зачем} ^{зачем}
 самостоятельности права, но они существовали, они
 достигали ^{зачем} ^{зачем} ^{зачем} ^{зачем} ^{зачем} ^{зачем} ^{зачем} ^{зачем} ^{зачем}
 самостоятельности права, но они существовали, они

Если бы во время господства нового классицизма
 в какой-нибудь стране бед поэтическая производительность,
 поэзия ограничилась одами, эпиграмами, дидактической
 и драмой, люди разучились бы шутить, самая безумная,
 развратная ода, даже вычужденная ветрами наушера,
 займешь публику не надолго; самая высокая эпо-
 неид даже материал развита для некоего востор-
 жения рецензаций; трагедии и комедии пишущая не
 для театров, а для театра. Фрэнк, замечательнейшая
 †. "Le roi de Cocagne"

цельный день в публичных театрах и гимназиях, живший полной общественной жизнью, мог добывать свои Топера и зражиками; а человек новой Европы, привыкший, еще со времени сидения в французских замках и в узры укрепленных городов, королям свой доверь дома, нуридался в тени обилия и зашикарельном. Одна из ранне замке, генных слабах сторон ложноклассической теории да, что она должна была обходить презрительными молниями как называемую легкую поэзию и романы с повество, козоре, однако же, существовали повсе, можно и несли более деятельную службу, несли вся высокая поэзия, вмести взяд. А во Франции, в силу особенностей народного характера, легкая поэзия играла особенно видную роль. (А. Кирпичников).

Любопытно, что даровитый представитель я, французский сизаемый олицезворения басни, из, везный до сих пор, и не только по имени, старому и малому, шиль и зборил именно в период не, ограниченного господства теории, выказывавший от, криво обращение к зому, извращению вкуса.

Знаменитый поэт этой группы — Жан Лафонтен, 1621—1695. француз (Jean de La Fontaine). Он родился в 1621 г. в Шато-де-Фонтен (Chateau Fontenay), в небольшом городке в провинции Шампань, где он жил, до

снхъ поръ показывающъ нудеишезвентикаль въ зомъ
 само^{вѣ} какимъ охъ былъ тогда. Въ двѣдѣхъ Мать
 (Лафронзэнь) училъ мало и плохо, на 19-мъ году
 поедупилъ въ семинарию, гдѣ долготель былъ кон-
 шъ курсъ богословія, но покинулъ ее черезъ полтора
 года; классиковъ началъ изучать и показъ свои снхъ
 въ стихозворсхъ зомко на 22 году, говоритъ, подѣ
 влѣяніемъ оца Малерба на смерть Генриха IV.
 Оцъ Лафронзэна принадлежалъ къ люцианскому
 сословію и ^{з.г.} занималъ мѣсто форсмейстера, ~~гдѣ охъ~~
 былъ майтрэ des еаих et forêts, которое позо^{мъ} пере-
 далъ сыну, оставившему семинарию. Двадцати шести
 лѣтъ, Мать Лафронзэнь оженила — или впервые — оца
 женила его, но разведливый и лютливый и губововав-
 тий неодолимое озвращеніе оца филистерской правиль,
 ноеи жизни, продавъ векоръ мвое, покинулъ
 жену и обезпеченное положеніе, бросилъ жену,
 влѣбившес въ насродзельницу иезикаго монасты-
 ря, и утхалъ въ Парисъ, гдѣ скоро нашелъ себѣ
 покровителъ, забодувшихся о немъ, какъ о ребенкѣ.
 Черезъ нѣсколько лѣтъ, позо^{мъ} Буало и Расинъ бзду,
 мали похиритъ его съ женою и убодили озира.
 вужся къ ней въ Шадозерри. Охъ двѣдѣхъ
 почалъ къ ней, но не заезалъ ее дома, она была
 у вечерни. Лафронзэнь замелъ къ старому прѣдзелью,

просидеть у него вечеръ, поговалъ, а по чужу стали
опять въ дилманскъ и вернулись въ Паризию. Други
сжали разспрашиваеа его о результатахъ свиданія, отъ
отвѣчалъ, что она его была у вечерни.

Налавъ занимаеа поэзію, отъ издалъ переводъ
„Эвнуха“ Теренція. Это было первое печатное его про-
изведение, въ предисловіи къ королю выразилъ отъ
все свое присращіе къ древнимъ писателямъ. Вышеа
отъ занаа заняа отъ изученіемъ Боккаччо, Макіа,
Велля, Аріосто, Маро и Рабеле. В послѣднемъ, отъ
однажды отъ наивно спросилъ у абаа: „какъ вы
думаеа? кзо занаа? св. Авеуинъ или Рабеле?“

Однъ изъ первыхъ меценатовъ Лафонтена были
знаменитый генералъ-инжендеръ Фруа, жившій дворе
самого короля. Фруа назначилъ ему пенсію въ число,
вѣдъ, чтоа отъ каждую зраа выкупалъ ее какими
нибудь сумками. Пребаваніе Лафонтена въ домъ Фруа
познакомилъ его со всеми знаменитоземидоу эпохи,
но вышеа отъ занаа ценило въ немъ наклонность
къ разсѣянной и безцелной энци. Тужъ отъ подру-
отилъ съ Расинемъ, Буало и больше всего съ Молье-
ромъ, гений короля отънилъ вполне. Когда Фруа
наа, легкомысленный нищій поэа былъ гужъ м не
единственнъмъ геловникомъ, оставшимся ему вторичнъмъ
въ несчастіи и окруао высказывавшимъ ему свои любовь

и погнел. Онъ послалъ Людовику XIV оду, въ ко-
торой съ старостью умолялъ о помилованіи Фруа и
осмыслился сказать: *La clémence est fille des dieux,
Sans elle toute leur puissance
Ne serait qu'un titre odieux.*

(„Милосердіе — дочь Боговъ, безъ ней все иль мощице,
сво золько ненавистное право.“) Но угрозы Фруа была
безвозвратно рѣшена, она слишкомъ мотала коро-
лю — и просьба Лафонтена не имѣла успѣха. Ше-
дрые подарки Конда, Конзи, Вандома и др. не мог-
ли спасти отъ пытки позра, который былъ рѣшился,
но лишить способностей благоуханья своего зинца.
Впрочемъ, она имѣла ^и другихъ покровителей, особен-
но между шенцинами. Анна Манчини, бывшая
замужемъ за герцогомъ Турбонскимъ, приняла ея
въ свой замокъ и дала ему все удобства
жизни и удовольствія¹⁾. Другого покровительницею
была Маргарита Мазаринская, вдова герцога Орлеан-
скаго, назначившая Лафонтена своимъ камергеромъ,
за что онъ написалъ стихи въ честь ея собаки.
Впрочемъ, Лафонтенъ никогда не сдѣлался понасе-
ро ко двору, какъ Буало и Расинъ. Онъ слишкомъ
любилъ независимое и удовольствіе. Онъ, правда,
писалъ стихи въ честь г-жи Кондеспанъ, но
это было золько выраженіе благодарности за ея

1) Это да благодаря этой дамы, племянницею Мазарина, Марию
Анну Манчини, Лафонтенъ сдѣлался воодушевленнымъ.

ласковий прієль, а не искаженсьво почесей. Онъ
 пошуравъ дружественную бѣжку съ поэтами самими
 привзнымъ занятіемъ. Когда въ 1680 г. герцогиня
 Бульонъ была замѣшена въ дело оуравленій и
 была сослана, Лафронзень бѣлъ въ затруднительномъ
 положеніи. Хотя у него было еще много покровителей,
 но герцогиня была къ нему такъ внимательна и
 освобождала его оу великихъ низменныхъ заботъ.
 Впрочемъ, въ г-нѣ de Sablière нашли отъ такую же
 добродѣтельную покровительницу, ибо она взяла его къ
 себѣ въ домъ, и онъ поубеждалъ себя зѣвать не только
 обезпеченнымъ, но возрыгавъ въ домъ ея и лучшее
 общество. У г-нѣ de Sablière Лафронзень прожилъ
 около 20 лѣтъ, на полномъ ея удивленіи. Правда,
 разсѣянность его гасо давала поводъ смѣяться, но и это
 шло свою хорошую сторону. Въ несчастіи, эта по-
 кровительница, брошенная своимъ любовникомъ,
 пошла въ монастырь, обезпечивъ, впрочемъ, жизнь
 Лафронзена. Могло только общество, собиравшееся
 у ней, а это было всего нуонье для поэта. Въ это
 время оисудилась въ Академіи вакансія, и не смотря
 на всю оппозицію придворной партіи, обвинявшей
 Лафронзена въ безграмотности и вольнодумствѣ,
 не смотря даже на нерасположеніе къ нему самого
 короля, Академія выбрала его своимъ членомъ. Нѣтъ,

сколько месяцев король не хотья уверить этого
 избранія; но когда при второй вакансии вступать
 было Буало, Людовикъ XIV увердилъ обоимъ, сказавъ,
 что „Лафонтенъ обѣщавъ исправится“. Днейшвицкико
 Лафонтенъ написалъ посланіе въ суждаль, въ козо,
 ролю обѣщавъ озвернуть предимно мизю и заблуди,
 деній. Но ему было уже 63 года, а въ эзи мѣста
 зрудно исправлялся. Онъ, конечно, не писалъ уже
 сказокъ, но любилъ ихъ и охотно воспоминалъ.
 Онъ даже былъ серьезно выродленъ въ эзи мѣста,
 и самъ снѣдлся надъ своею сраею. Въ 1693 году,
 выалъ онъ въ дясикуго болызнь, и друзья восполъ
 зовалисэ эзимъ, чтобъ утѣдить его образился къ на,
 босиносу. Дали ему книги новаго заважа, и онъ,
 въ первый разъ въ мизю, прочтя его, навбно ска,
 залъ: „а вѣдь эзо очень хорошая книга“. Онъ, однако
 не въздоробавъ, и въ гасчданіи Академіи обѣ-
 щавъ писать впрѣдъ одни нравственныя сочиненія,
 но кончилосэ тѣмъ, что онъ уже болге ничего не
 писалъ. После смерти 2-ми Сабьеръ Лафонтенъ
 поселился у л. Д'Эрвеля (d'Herveil). Онъ умеръ
 семидесяти трехъ лѣтъ 15 марта 1695 года.

Начавъ заниматься поэзію, Лафонтенъ издалъ —
 какъ мы уже снвшали — переводъ „Эвнуха“ Теренція.

Эзо было первое печатное его произведение. Онъ уже

// Въ вогносу ада не повъ онъ впрѣдъ. Меновѣдательо сказавъ онъ, что
 осужденіио тало-пталу привикнуть къ адекому огню. И когда свджен-
 никъ грозилъ ему адекими муканми, го сраадъ слушанка поэза сказала:
 „Dieu nousa jamais le courage de le damner.“

привыкатель въ Парнае съ опредѣленными и, для того времени, чрезвычайна оригинальными литературными вкусами: онъ не только зналъ и любилъ Маро и Рабле, но и къ сарофранцузскимъ фавлянамъ чувствовалъ болѣе симпатію; изъ современниковъ онъ преклонялся только передъ однимъ Мольеромъ, какъ истинно національнымъ гениемъ; изъ древ., нилъ онъ выше всего сравилъ Гоцидъ и Терен, цидъ (по гречески онъ не понималъ), а изъ итальян. цевъ хорошо зналъ Боккаччо и Ариосто. X

Въ великолѣпномъ замкѣ Во ^(Vainel) (своего покровителя Фруке, Лафронзель написалъ поэмы: „Сновидѣніе въ Во“, къ нимфамъ въ Во“, „Адониса“, ⁽¹⁶⁷⁴⁻⁷⁷⁾ много посланій, балладъ и другихъ стихотвореній. Въ 1665 г. написавъ онъ первый свои Contes (сказки), а въ 1668 г. первый шесть частей басень ^(Fables) поестъ. ценныхъ дофину²⁾ Первое крупное произведение Лафронзельна, обратившее на него всеобщее вниманіе, было романъ на анжуйскую землю: „Любовь Пенхен и Амуръ“ (Vuesné, 1665 г.); сюжетъ, философскій мидъ, взятъ мидъ у Амуръ, но переработанъ совершенно самостоятелно, „во вкусъ времени“, козорый по словамъ поэта, „срѣдился къ любезниганто и музкѣ“ (se port ainsi galant et à la plaisanterie), а догнать сказавъ, въ истинно національномъ духѣ, вѣрно, гуръ не со времени Цесаря, присуцель мидельнъ веселой Франціи. Поэма

1) Они, написанная, впрочемъ, уже царствованіемъ Адриана, очень скандальна и побуждоудъ болѣе мидъ центальнъ. II томъ въ 1676 г.

2) слово „in usum delphini“.

„Агонисъ” и романъ „Кенхедъ” явились позовъ въ 1671 г., а поэма „Хинишь”, написанная по заказу герцогаини Тульонъ — въ 1682 г. и посвященная зрѣлому гави.

Въ 1668 г. вышло первое собраніе его безсмертныхъ басенъ, благодаря которымъ онъ занялъ освѣженое вѣчно популярное во Франціи, какъ у насъ Крыловъ. Живопись и остроуміе нѣтъ языка, безъискусственна, надъ соразмернаго гасей, тонкая психологія и издѣльный реализмъ нѣтъ содержания извѣстны велики и касидолу. Въ своихъ сказкахъ, не только содержаніе, но и подробности возорныхъ Лафонтена гасе бережъ изъ фавліо, онъ являетъ провозвѣстникомъ взорого національнаго возрожденія, которому суджено было завершиться только на нашихъ глазахъ. — Приведу два образца одну басню Лафонтена.

(въ переводѣ М. Д. Музріева)

*Munis attonnum coeci cavat brachia, nam
Fao itasta, kas pro vixsem at gatijees gae,
Ka deo bijiga pele no tam apovikusa,
Ka akla laime darjuse, spokovusa
Ka pasauls tvonsni atstaja*

*Ta austrumicam savas lomas atasta munis
Ka deo bijiga pele ruzi bandijums
Munslapas no vima kadā dzifa alā
Alleniu seecina.
Tus ex tam lectam nodaras bez gala,
Pecni divoles glabina ta vromat esvica:
Ka naqsem,
Zobom laqsem
Alleniu seecu kasija
Im iznasia, nomot laime,
Jo fauca colligu ai pectovon daimu.
Kojelo vaicakot - Pele sadai pabimbū
Ja naedas, kas ka!
Ka vardu: paradizes darsū
Pats deos jau mile to,
Kas atovajees tā no pasaulas per to.*

Мунъ, удалившадеа оръ своа.
Возрогнъ шифели, въ преданіяхъ своихъ,

Разказывають намъ, что некогда у нидъ
Кларогесува мунъ, наскра суетого,

Сильного счастья и гроа,

Осзавила ей шумный миръ,

И скрылась оръ него въ глубокую пещеру —
Въ голландскій свиръ.

Тамъ свздоуето одной своа пизала вѣру,

1) fabled, мнот. число fabled, это — французскія сказочныя сочиненія срднихъ вѣковъ.

3) г. въ XIX вѣкѣ

Deși tās Ģeiznieštāpas - un elzdama val kara -
Luk, atnesība no tās mīlam tautaišam;
Ja atnāx lugt ^{pašmā} Pāliņu no pagalmam
Kas epai vinn republikai nebrūst
Un vinn ^{šūn} pili tam ir gan apseduse.

Къ спасенію души **зрудитсѣ** **качала:**

Мозама ^{Atu vīpāt Valsts postā, nabadzība ranta -}
^{Jaic atnesība - tai ir ^{celoni} celoni, ka mas}

И зубами ^{Atu nesam turcijas kalites;}
^{Kas bija mums, to apedmī;}
^{Pat eļi vel tāls un tadē esam divsotājnī;}

Толландскій соръ скредла, скредла,
^{Pat tavis peonāst, lugt ^{ties tar,} ties tar, -}

И вискредла досушныиъ часоуъ

Мзрдмъ келейсѣ съ доеразочныиъ занасоуъ...
^{Atoms postā pūmest kaku darāmā teamū.}
^{Atoms ^{pašmā} pūmest kadas darāmā ar āēlart. bu.}

Чего же болше? - Въ закнхъ зо мншъ зрудатъ
^{Atoms ^{pašmā} pūmest kadas darāmā ar āēlart. bu.}
^{Tcom ^{pašmā} pūmest kadas darāmā ar āēlart. bu.}

Разъяслаъ закъ, что оурайтъ!
^{Atu skolā kurlis likuse uz kurtim sev,}

Корогъ: - на порогу рад...
^{Atu mani mīlēt! - Teica galvu noliekuse;}

Самъ Богъ блудеръ зого,
^{Es parantīgo zaru sen jau omā atstājūt...}

Рабозартъ мѣру крѣ оурайтъ для него.
^{Atu mani mīlēt! - Teica galvu noliekuse;}
^{Es parantīgo zaru sen jau omā atstājūt...}

Однажды предъ нею предсало, воздыхая,
^{Atu mani mīlēt! - Teica galvu noliekuse;}
^{Es parantīgo zaru sen jau omā atstājūt...}

Посомсзубо оуъ ея молодеишъ земляковъ,
^{Atu mani mīlēt! - Teica galvu noliekuse;}
^{Es parantīgo zaru sen jau omā atstājūt...}

Оно идезь проситъ зацнхъ оуъ дворовъ
^{Atu mani mīlēt! - Teica galvu noliekuse;}
^{Es parantīgo zaru sen jau omā atstājūt...}

Прозмву померчѣ народа,
^{Atu mani mīlēt! - Teica galvu noliekuse;}
^{Es parantīgo zaru sen jau omā atstājūt...}

Козорый взручъ на нхъ реинголикъ качалъ
^{Atu mani mīlēt! - Teica galvu noliekuse;}
^{Es parantīgo zaru sen jau omā atstājūt...}

И Крысополисъ нхъ въ осади зюуъ герсналъ.

„Всеобща бѣднотъ и невзгода -

Посомсзубо говоришь - приимнотъ, что мѣ

Насѣмъ пусзвѣиъ мншъ сунбѣ;

Что было съ нами - все провали,

А нуръ еще далекъ: и для зого поемтели

Зайдзи къ зедъ, и бѣтъ челоуъ, -

Снабдизъ насъ въ крайнотъ пошмнхъ подаянхъ.

Завворница на зо, съ душевнхъ соураднхъ,

И латки полозна на груди своего кресла,
 «Возлюбленные мои! — смирено обратила: —

Я орь швейцарского давно уже оуехала...

Гиль, грымная, могу помочь?

Да испомлежь вавъ Говъ!... а я и день и ночь

Молюъ его за вась годовъ." —

Поклонъ шкъ, заперлася, и болше ни слова.

Кто, спрашиваю вась, похонъ на эту шкъ?...

Мопахъ? — Избави Говъ и думаръ! — Кторъ, дервишъ.

Лафронженъ былъ лучшимъ европейскимъ фадумъ,
 оуль и писаль басни безъ зрѣда и оутолси. Озо былъ
 родъ бродячанаго заламца. Но ни въ басняхъ, ни
 въ сказкахъ по кторъ самоеуделнаго изобретения: Лафрон-
 жень пересказалъ зомъко сзавсе стожезы, но вилъ въ
 ниль сзолько писцо французскаго оуточия, грации, про-
 сзодучия, есзезвенноези, наивноези, что прозвание
 добряка (bonhomme) оузалое за ниль въ лигеразуръ,
 какъ и въ шизии. Шивъ въ виль маньиченноези
 и классицизма, неесзезвенноези и утонченноези,
 оны сзутьль оузарся вьривиль природъ и исзинъ.
 Во свои безвекесзезвенной грации, Лафронженъ — добро-
 душнй насабниль и моралисър, наслитилиль, но
 не колоче и не наклоненъ къ рѣзкой сазиръ. Оны
 представлель стьинилья сзороны безъ шолги, добро-
 душно, съ полного енисходительноези. Лучшй басни

Лафонтена переведены на русский языкъ.

Кривошь началъ свое поприще, какъ баснописецъ, переводили Лафонтеновскихъ басенъ: „Дубъ и трость“ и „Разборчивая невеста“, и многія изъ переведенныхъ имъ лучше оригинала, какъ напр.: „Ворона и Лисица“, „Два голубя“, „Пустельжикъ и медведь“. У Лафонтена мало оригинальныхъ басенъ; болѣею частью содержаніе ихъ онъ заимствовалъ у своихъ предшественниковъ, но обрабатывалъ въ блестящей формѣ, придавая имъ часто совершенно новый видъ. У него есть басни и съ политическими оцѣнками, какъ „Король и пастухъ“ или „Дунайскій крестьянинъ“, и съ философскими, какъ „Сварихъ и зрое молодчикъ“ или „Самоземство и финансистъ“. Его подражаніе Апулея „Любовь Психей и Амура“ (или Купидона), написанное стихами и прозою, переведено на русский языкъ уже въ 1769г. и послужило прозою „Душевникъ“ Богдановича въ 1775г. Нѣско, дорья изъ сказокъ Лафонтена также переведены по-русски.

Лафонтеновъ, какъ и Лопатеръ, не были литераторъ, но лишь революционеры; онъ не вносилъ дисгармоніи въ картину поэзіи XVIII вѣка, а только пополнялъ и украшалъ ее, придавалъ жизни ея первичному, образу. Въ отношеніи поэзіи языка и издѣльной, гуманности формы онъ — одинъ изъ первыхъ поэтовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, и строгій классицизмъ,

озвернувшись от него въ лице Буало и его великаго
 властителя, долго показавъ улыбку своего ограниченнаго
 Публика даже въ высшихъ слояхъ своихъ судила о
 немъ лучше и вторично: Лафонтенъ былъ два раза
 избранъ въ Академію; въ 1-й разъ въ 1684 г. король
 не утвердилъ выбора; вторично отъ быль избранъ
 виступить съ Буало, и король не отказалъ на этотъ разъ.
 Френелонъ написалъ по-лазани похвальное слово ему,
 и давъ перевести его герцогу Бургонскому. Рочиненія
 Лафонтена имѣли множество изданій и переведены
 на все языки. Многъ его знаторъ даже дяди, хозя, кро-
 мѣ басень, отъ писалъ вовсе не французскія произведенія.
 Французскіе съ справедливою снзаторъ Лафонтена
 описывали басни.

Лучшее изданіе всѣхъ произведеній Лафонтена
 Paully въ 1876 г.

Въ Лафонтеномъ ннко не мочь создаться въ по-
 этическнхъ разказахъ. Все-таки Макъ Вернье (Jacques
 Verdier, жившій до 1720 г.) подразналъ ему въ его при-
 ёмъ граціозно разказахъ тоскнско разъ не безъ цѣль,
 ха.

Въ народѣ символъ и полнотѣ силъ кульминаціи,
 отнкой тупнхъ развнціхъ мерзвнцнхъ теоріи обнчно-
 венно совпадаютъ съ блеснцнхъ, хозя бы и не вѣннхъ
 замнцнхъ, продвнннхъ новаго живозворнаго духа.

Относительно Франции XVIII века кроме Ларондена, будучающего в Академию одновременно с Буало, еще законъ подтверждается популярностью сказокъ Перро.

Перро (Charles Perrault) род. в 1626 или 1628 г. в 1626-1703 или 1628-1700. Паризь, воспитывался в коллегии Тобе, былъ адвокатомъ, поэтъ, поэтъ черезъ Кондэра получилъ хорошее казенное место; былъ знаменитъ и покровителемъ живописи; рано сталъ членомъ Академии и умеръ в 1703 году.

Перро писалъ эпитетскія поэмы, издавъ Параллель древнихъ и новыхъ (Parallèle des anciens et des modernes de Louis le Grand

А между ними поэму de Siècle de Louis le Grand, содержащую в себе 400 епитетов, но мало удач.

477. Паризь 1688-1696 г.), въ которомъ соименно отъ возбудилъ и гордо велъ споръ о сравнительности достоинствъ древнихъ и новыхъ поэтовъ; но безъ его учености и грядущи не спасли бы его отъ вполнн заслуженнаго забвенія, еслибъ въ 90-хъ годахъ не приняла ему жель воспользоваться для созавленія легкой и весьма доступной книжечки для чтенія народными сказками; конечно, слегка проинизирова и совершенсва въ форму, но не разрушая сути, отъ пересказалъ лучшій изъ нихъ — часть изъ старо-французскихъ частно изъ всхожныхъ — издичной, грациозной прозой академика и издавъ в 1697 г. подъ названіемъ: Contes de ma mère d'Oye ou histoires du temps passé. Ужасъ, Перро оудалъ справедливою оузнанной и оидной франзаии. О немъ и его сказкахъ будетъ еще вполнн оузнан.

1) Изд. съ рисунками Доре 1862 г. — На русскоиъ языкъ издали Повторивши медникъ съ нравственными, сог. Перроиза, для детей. Издание 2-е, М. 1805 г. — Волшебныя сказки Перроиза, перевелъ Барановъ, М. 1825. Писалинее издание, Волшебныя сказки Перро и С. Шурженева, съ 40 рисунками Тучева Доре. 1866 г.

Съ этого повенца историк о мансикте съ мансикте, о двобокте красной шапочке и пр. сжали обидимъ дозодниемъ, и после многихъ виковъ ичеллиген, цив впервые пришла пункуъ художественнаго соври, косновенд съ прозбыль народомъ, съ, подлою герного.

Важнее не только франкъ подвиемд сказомъ Перро, сколько устать ить. У Перро явилаас масса подразателей и осоденно подразательницъ, но пралесзривыя сказки Перро удѣрживали перевѣсь. Даро, визыймат изъ подразательницъ Перро была графиня д'Алкеней (d'Алкеней или d'Алкену, 1650-17052.) въ волшебствая сказки — сказки о феяхъ²⁾ — ильми бохстой

3) Contes (сказки) французскаго графа Антуана Лампеля (Antoine Lamoignon, 1646-1720) задавали другой зомъ. Они написаны воевредендовали и заландувийимие французские мидля дозей, но ско. рше нисколько по. Косми на Contes сраванд и полнаго настрокит. Мансонки (жан. написаны по дате, между числами 1700 и 1710) — лирические стихотворения, поэмы — сжали свое со спорадически виле. женскими мѣткими, козорьихъ не было оспориво Академией. Въ этой ежикли мѣткими. — Бѣглой — повѣрливостной поэзии обнаружилось изомно больше извездны его Мѣmoires de Франтонт, въ которорихъ охъ озликивилъ француз, скитиъ Язоникомъ отъ свивасъ безмизичную жизнь при дворе Карла II въ Англии. Это одно изъ самыхъ лучшихъ сочинений мануаровъ XVII вѣка, соствлнное съ болшого живоезрѣя и озорьимъ наблюдениемъ.

фуроръ. Въ началѣ слѣдующаго (XVIII) столѣтїя уже подвдлгозся народи на сказки, ожно тче мучимъ доказательствъ ить популярности.

Рядомъ съ производимыми разсказчиками презендовали и заландувийимие французские мидля дозей, но ско. рше нисколько по. Косми на Contes сраванд и полнаго настрокит. Мансонки (жан. написаны по дате, между числами 1700 и 1710) — лирические стихотворения, поэмы — сжали свое со спорадически виле. женскими мѣткими, козорьихъ не было оспориво Академией. Въ этой ежикли мѣткими. — Бѣглой — повѣрливостной поэзии обнаружилось изомно больше извездны его Мѣmoires de Франтонт, въ которорихъ охъ озликивилъ француз, скитиъ Язоникомъ отъ свивасъ безмизичную жизнь при дворе Карла II въ Англии. Это одно изъ самыхъ лучшихъ сочинений мануаровъ XVII вѣка, соствлнное съ болшого живоезрѣя и озорьимъ наблюдениемъ.

1) Жакъ у Корша, а у другихъ — д'Алкену.
2) Contes de fées.

конечно и распухшая и плоская материализма,
а в поэты иными всегда многочисленную публику.

Из лириков, в эту эпоху, было немало замечательных: Клод Шанель (Chanelle, 1626-1686), особенно Люилье (Luillier), подобный саму племя парламента этого имени, усвоившего поэта и поэта, бывшего ему большое содействие, которое он просил, валь энкурсецелье, пуритане двора, в дружба с Молсероу, Буало, Расинь и другими писателями. Он востовал в сужах любви и вино; сужа его издали вконец с произведением другого поэта Башмонта (Bachmont, 1624-1702), фронтера в молодости, гуляки в зрелости, любил, написавшего, также вконец со своим другом Шанелле, только, рисунке "Пудемсезье". Между ними остротный, веселый абар Шолье (abbé Guillaume de Chanlieu, 1639-1720) был самый приятный, грациозный, мин. Он просил также весело доходил своего абарува, занимался поэзией и влюбился даже востки, десяти лозь. Сужа его несправилны, но логки и блестярь остротный; в эту роду у него была ученик - Волсерь. Сужа Шолье издали также вконец со сужаки его друга, маркиза Лафарь (de la Fare, 1644-1712), храбро сражавшего под началом востки Тюротья. Совершил Луба, от поэ,

рала состояние въ борбѣ съ логическими и мн.,
теоретич. и, измѣнивъ это Ласкарьеръ, сталъ нѣм.,
сзывать и умеръ отъ невоздержанности. Это, за,
писки объ эпохѣ Людовика XIV, гораздо выше его
суждѣнь. Александръ Лене (Alexandre Lainez), Бамонъ,
лонъ и другіе задавали такой же тонъ.

Дане романы, непосредственно описывавшіе фран.,
узелное общество, представляли извѣстнаго рода професоръ,
конечно, рода коммунистическаго права, — ^{професоръ} прозивъ исклю.,
визуально андизирующаго суждѣ. Романы, пользо.,
вавшіеся наибольшаго извѣстнаго въ серединѣ XVII
сложія, были будто нарочно приспособлены для
того, чтобы оскорблять вкусъ лучшаго и болше по,
смысловательнаго представителю ново-классической
школы, хотя они и сходятъ въ несомнѣнной мѣрѣ,
разумной связи съ произведеніями того же рода,
унаследованными отъ послѣднихъ вкусовъ древ.,
поэти. Менее точное изображение невротизма при,
клогеніи Аладиса и подобныхъ ему члене каменей
нелюбопытна, но направленная или вкусом публики
зрѣесть новыхъ произведеній, столь же заниматель.,
ныя для воображенія, романско лучше поэтическія
и вздыма въ міра болше привлекательнаго, а
примѣръ д'Уроре и галлерія, царствовавшая
въ одушевленіи, обуславливая высокопарно-слащавое

изображеніе князья въ зубцах и щелях. Тогда по-
 явилась многозломный (de longue haleine) героиче-
 скій романъ, издиратонцій мьсрмъ днѣхвѣа болшана
 гасзіа классическую или воздогннуо древносрѣ, по-
 сфроммвѣ по образцу романа греческаго (Эзюникси
 Галиодора итмѣли въ XVI вѣкѣ во Франціи 14 изданій
 и переводовъ. Сдѣхъ нрѣ первыиъ героическѣхъ романовъ:
 Histoire africaine de Cleomedes et de Sophonisbe par le
 sieur de Gaton¹⁾ ссрѣ нешто иное, какъ французскѣ
 распространіе (Эзюникъ), но изображающій не
 нравы эпохи — къ счасзіа для челоовчсрѣа, оно никог-
 да не шило факимъ образовать, — а низкопробные идеалы
 пущель въ моднисовъ, и сфратонційсѣ заидѣрѣ одно
 вообразеніе, эманиципировавшсе ссѣдѣ охрѣ вѣдѣхмѣ
 границь, налапачемѣхъ разумовъ.

Въ 1632 г. выхлдуръ романъ „Полександръ“ Тотъ,
 Бербилдъ, о которомъ мы уже упоминали у Кансрѣ,
 меда, поэа озерѣ Гандуисе. Louis de Roy de Gomberville
 род. въ самомъ началѣ сфранцїи, рано высрѣхнмѣ
 на литературное поприще; одно время былъ подѣ
 влѣднмѣхъ Лорѣ-Ровилдъ; умеръ въ 1674 г. Его романъ „Полександръ“
 одитѣ нрѣ самѣхъ житиомѣхъ во вѣхѣхъ озноменїиѣхъ,
 кромѣ времени днѣхвѣа, представлѣхлѣхъ такоо романа;
 герой его — король еще дикѣхъ Камарекѣхъ острововъ,²⁾
 но воспонмзобавлѣхлѣхъ вѣхмѣхъ вылоданн цивилизациѣхъ.

1) вышена въ 1627 г.

2) днѣхвѣа происхлдууръ вѣкорѣхъ посылѣ озкрузїи Америки.

закъ какъ онъ юноего провелъ во Францїи, куда
его завезли морскіе разбойники; онъ влюбляется
въ портрета принцессы Алцидианы, дядею въ честь
ей на журнирахъ, совершаетъ рядъ самыхъ смелыхъ
подвиговъ и изнываетъ въ домыслъ невоинныхъ губ.,
срвать, пока наконецъ его геройство и поездомство
не увенчиваются заслуженной наградой — рукою
и сердцемъ Алцидианы. Ближайшій по времени
и духу изъ послѣдователей Томбервилъ — нашъ уже
извѣстный Кампренедъ; Маделена Скюдерн, о кото-
рой мы уже упоминали, сблизила романъ съ
широкимъ слобкомъ обществу своего времени.

Нападенія кризисовъ и прогрессъ вкуса общества,
губезноваташаго попредноего увидитъ драматургическую
стихъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ кандаломъ сво.,
Богнотъ родитъ зворнезъ, благозворно повлїямъ на
романъ еще въ предѣлахъ того же XVII-го столѣтїя,
и героическій романъ постепенно переходитъ на
нашихъ глаза въ психологическій и семейный.
Въ семидесятихъ годахъ являюся „первыя романы,
гдѣ граціозно изображены нравы порядочныхъ
людей и естественныя событія.“ Это, на то ^{уже} Франсуа
наши указано, романы 2-мъ Лафаятъ.

1634—1693.

Франсуа Лафаятъ (Madelaine de Lafayette) род.
въ 1634 г.; она была дочь Анжара de la Vergne, судер.

По словамъ Волтера.

маюра города Flavre de Grace, получила отличное
 образование (между прочим, хорошо знала по-латински),
 вышла замуж в 1655 году, и почти все время
 провела в обществе мизерадора ^{и умерла в 1697 г.} Подруга мизерадора
 Маршарко, в звание 25-ти лет, маделен де ла
 Верне украсила Ласрае, написавшая "Мизерико Генри,
 или Англичанка", полюбила писателя в другом ро-
 дов. Первый ее роман Загадка (2 том. 1670-71), не смотря
 на естественность тона и больше тонкую психологию,
 близость к произведениям Кальпуредо; действие
 происходит в Мемани; основной сюжет составляет
 любовь Гонзалво к спасенной им из волн мор-
 ских мабрижанской принцессе. Вторым ее романом
La princesse de Clèves ("Принцесса Клевекан", 1678 г.)
 изображает мизерико любви герцога Немурского и
 замужней героини, но имени королевы и назван
 роман; принцесса не любит своего мужа, но ува-
 жает его; она не только не имеет никаких из-
 мыслов к нему, а, в силу нравственного долга, откры-
 венно признается ему в супружеском для него
 чувстве к другому. Герцог Немурский, до сих пор
 идола велье существовать, преклонился перед физи-
 ческой и нравственной красотой героини и не
 смелось надаться на презумптивное удовлетворение
 своим желанием. Роман оканчивается смертью принца

Киевского, за козрой, однако же, не слыхуешь соеди-
нения сразливших любовников: героиня озабочена
всприями наяджи своего деликатного, кофя и ревни-
вого супруга.

„Загда“ и „Принцесса Клевская“, первый послы
Скарронова „Комическаго романа“ — опыты романа
правовъ. Особенно La Princesse de Clèves (вышедшая
въ 4-мъ томѣхъ) предзавидуетъ радостную прозвоню,
пошную до безалаберности несезувенности рока,
навы дивизи Скюдери, въ которыхъ древние Рим-
ляне или Персы гувезують и говорятъ какъ совер-
менно законъ, какъ влюбленные парижские мар-
кизы, ^{соединили и съ} козрой все другое, а не люди съ ^{козрой} козорого
плоты. „Принцесса Клевская“ — первый право, реали-
стический, психологический романъ французовъ.
Книга написана съ грезывающего дозоборносерго
и съ зменного деликатносерго и заслуживаетъ ре-
перъ еще вникательного зменид. „Принцессо
Клевской“ окончательна била подвизема дубъ „Pré-
senses“, царезва пазоральной поэдии.

„Менанскія дозонаяджюсеры“ 2-ми д'Омца (Mme
d'Aulnoy) были уже болые — если могу такъ выразиться
— марузные — оженсивны и легковысленны. По,
зредносеры въ зменид легковы и забавномъ съ болышима
заланцовомъ, звыи другие, удоблзвордиль намы уже изъ

Французская пещорит литература XVII в.

везетный — Скарронъ. Сатирический романъ написанъ Сирано де Бернакери, о которомъ позже уже речь была. Это Пуртесервие на луну¹ послужило образцомъ мно- гихъ французскихъ произведений. У Рабютона де Брюсси (Rabutin de Vauguy², 1618—1693) и въ его, Молодой пещоритъ Талловъ³ действовала главными образомъ пре- лестъ личного скандала, прелестъ, безъ которой фран- цузская литература и ее публика никогда не могли обойтись. Лучшимъ французскимъ сказки написаны въ эту же эпоху, какъ мы уже слышали, Марселью Перро, производникомъ псевдоклассической литерату- ры, хотя и осужденнымъ за это Буало. Но его, Пя- тнадцать древнихъ и новыхъ, которую Перро написалъ, полемицируетъ съ Буало о преимуществяхъ древнихъ и новыхъ писателей, озабоченъ всетаки замечаетъ, что книгою по логическому мысли и прояснить выражений, точно также, какъ его „Волшебныя сказки“ озабоченъ до сего поръ въ число лучшихъ дитяскихъ сказокъ. Это не изобретенны авторы, а заимство- ваны изъ преданий разныхъ народовъ, но написа- ны съ незадреманной граціей, прозой и естествен- ностью. Лучшимъ изъ нихъ, кромѣ уже упомя- нутыхъ, — Сивья борода, Сивья красавица, Козь въ сапогахъ, Сандрилотто, Принцъ съ кошкой, съ горбомъ и съ Бальмонть и т. д. Это озабоченъ одъ

1 или Vauguy-Rabutin.

2) Histoire amoureuse des Gaules. (См. выше).

различия этого рода и знакомые для нас вставка
сравно. Заслуга Перро относительно сказок — двой-
ная: 1) его заслуга та, что он среди века парижов
вообще узнавал высокое поэтическое достоинство
настоящих народных сказок; 2) его заслуга та,
что он не склонился к тому преобразованию
языка сказок по изысканному — вычурному — кудря-
вому вкусу того времени. Сказки Перро представля-
ют чрезвычайно удивительные образцы языка француз-
ского народа в XVII столетии, о котором во всем пре-
словитом «Весте Людовика Великого» и помину не
было.

Классическая проза французов

Этой эпохи.

Наше обозрение французской литературы XVII
столетия было бы неполно, если бы мы не упомяну-
ли о нескольких выдающихся и доселе не за-
бытых, но сродни особняком по самому роду
своих произведений писателей.

Чтобы больше во всей французской литературе,
развивавшейся еще раньше, а именно с 29 клас-
сического периода, характернейшие различия в
поэзии и прозе изгладились, чтобы больше отъ отъ
имели только нейтральное общее поэтическое двой-
ство, чтобы сильнее стало влияние значительных
писателей-прозаиков различных областей

на развитие поэзии и всего рода национальной лиры,
 поэзии. Сильнейшее действие произвели при этом
 просиде всего писатели и писательницы, которые
 ввели общезыменный язык во литературу не произво-
 дительно, но зная, что они литературно воспита-
 зовались писемными свидетельствами и издании
 или самой общезыменной жизни: дневниками, ^{таблицами, записками,} ^{писемными,} ^{различными}
 жалами, письмами и т.п. Знаменитость этой группы
 авторов основывается на том, что они подолжили
 язык классически чуждым, в то время правительственной
 и все-таки без всякого упрямства: педагогическая фран-
 цузский язык. Сюда относятся ряды как у нас,
 как и писателей оземь Рабульсе, как-то: Балль,
 затем, первый сочинитель образованных писем в ака-
 демическом слоге; поэт Вуагорт; ^{да Севино, олимпиканец и при} ^{полной естественности}
 ха прославилась письмами. Во энциклопедическом ^{поэти образованно}
 роду упрямства все знаменитости того време- ^{элегантно}
 ни, не исключая даже таких личностей, как М-те ^{своего писател-}
 Мензенов, обрабатывая через домов суркой и сероз, ^{ного слога;}
 ной корреспонденции. Представительницей этого рода ^{энциклопедический}
 литературы была М-те де Севино, имя которой со- ^{саурились Септ-}
 лалось знаменитым. ^{Эвраловы; по,} ^{это и академический}
^{французский.}

Маркиза де Севино (Marie Rabutin Marquis de Sévigné) родилась как дочь известного дуэлиста, Рабульсе-Шампалье, в 1626 г.; прекрасно воспитана

У экспектораций — обличительных

удето аббата. Подъ руководствомъ Мамелена и
 Мемаса она выучилась латинскому, италъян-
 скому и испанскому языку. Восемнадцати лѣтъ
 ее выдали за маркиза Севинге, незначительнаго
 дворянина, мало занимавшагося сменою и посылъ
 семи лѣтъ супружеской жизни убѣзало на дудли.
 Она не могла любить мужа, но по его смерти дала
 себѣ слово жить холско для дѣтей, и сдержала его,
 отдаваясь всецѣло воспитанію дѣтей. Она была хо-
 роша собой, острочувствительна, но осклалась хладнокровною
 къ самымъ острѣйшимъ признаніямъ. О себѣ она
 не хотѣла думать, и забочилась холско объ успѣхахъ
 дочери. Въ 1663 г. молодая дѣвушка участвовала
 уже въ блистательномъ балетѣ Версаля, и офи-
 ціальный поэтъ Гюссерадь написалъ много мадри,
 галовѣ въ честь этой нѣмочки, которую маръ называ-
 вала первымъ красавицею Франціи. Эта красавица
 бѣжала вѣкорю замужь, и мужъ увезъ ее въ Про-
 вансъ, гдѣ занимать должностъ судержатора. Рѣ-
 шившаяся съ любимого дочерью, маркиза Севинге
 находила утѣшеніе холско въ томъ, что писала
 ей письма. Глядя Севинге всю жизнь осклалась при-
 мѣрнаго мажорнаго, плакала долгіи сына, Боготвори-
 ла дочь и холско думала и говорила о ней. Марки-
 за была истинна оскровенная, прѣлая, благо-,

родная и не дернула призыворезва. Благодаря этой
 мадеринской пышности, мы могли слышать почти
 день за днем за шумом французского общесва
 одной из замечательных эпох. Маркиза жила
 не только в салонах, но, как Мэри Стюарт, любила
 природу и описывала ее мадерски. Она читала "Аурелию",
 мечтала под микологическим утлом садовъ Во и
 Сен-Монде (Saint-Monde), любила гулять при свѣтѣ
 луны и геральдическія девизы на корѣхъ деревьевъ. Въ эти
 воспоминанія нарядныя пасторалей превращающ.
 ся въ истинныя и въ Севинсе въ свѣтѣ, довольно
 собою описанія. Маркиза плакала горькими
 слезами, когда вырубали ея любимый мѣлъ въ
 Бюронне, тобъ умирать долги сына. Веселая и
 беззаботная въ салонахъ, она сдѣлалась серьезною
 и задумчивою, переселившись въ загородный за-
 мокъ. Она думала только о своей дочери, жившей
 далеко отъ ней, о сыновѣ, сражавшемся въ Канди,
 о друзьяхъ, съ коими празднично провели время.
 Впрочемъ, М-те Севинсе не долго задумывалась.
 Она была христіанкою, и религія утѣшала ее,
 поддерживала въ трудныхъ мигуахъ жизни.
 Этотъ религіозный характеръ развивался въ ней до
 самой смерти. Въ послѣдній мигу она съ ма-
 ркой читала Аурелию. Какъ уже знаемъ, 2-та

Левинге получила серьезное образование, изучала Рабле,
 Монтеня, Паскаля, кроме того Квинтил리아ма, Гоанна
 Флазоцеца и Виргилия не въ переводѣ. Въ преданіи,
 поехъ къ дружкѣ доказываеъ, что она была зверда и
 великодушна и могла бы играть роль во время револю-
 цій; но она не вымалаетъ въ политику, не скаралаетъ
 скаралаетъ героинею. Она Левинге была скаралива, когда
 король французавъ съ нею или говорилъ ей койкилики,
 зы, но она оскановила бы его, елибъ его възлюбивоеъ
 перешла въ мѣстокоехъ, — и это доказываеъ звердуо
 бою и сурогія правила прекрасной маркизы. Нелъ,
 зя однако не замьзуръ, что беселеъ и насмѣшли,
 боеъ маркизы въ ея писемѣ иногда неумьзурны. Боеъ
 онегалуръ любимую дочь красивыи кардинаки, раз-
 сказываъ о бунтѣ въ Гереани, она описываеъ, шуръ
 и охуръ, какъ губернаторъ забросали камнями, какъ
 позоуъ зиранили народъ, и казни слѣдовали одна
 за другою. Посредъ зуръ урасовъ, когда несчастивыи
 Бредонцевъ въшали, колесовали, избуръ въ женщины
 и дурей выгоняли нуръ шиллиуъ, маркиза хило,
 гуръ въ писемѣ золско о зомъ, чтооъ солдазы не не,
 поруили ея любимого мѣса, гдѣ она привыкла гу-
 луръ, и ели шалуръ о коюъ-нибуръ, зо не о бѣдливъ
 народѣ, а о губернаторѣ, герцогѣ де-Шонъ, котораго
 гуръ не убил Бредонцевъ Бурювизики. Предразсудки

этого времени мотались ей разоблаче, кто больше доверился
 социальности, хотя въ доброту я не могла сомневаться.
 Она выпрашивала у миннезровъ прощение преступни-
 камъ, покровительствовала бѣднымъ просителямъ, въ-
 множила почитаніе геловъку, котораго бѣдлея
 передалъ письмо Фуже къ его жене и за это осужденъ
 былъ на каторжную работу. Все это доказываетъ добро-
 ту маркизы Севинге. У нея золско не было сердца, и
 она не знала никогда другой любви, кромѣ материн-
 ской. Она умерла на рукахъ своей дочери въ 1696 г.
 Сынъ ея переехалъ уже въ это время курь и жилъ
 покойно въ Брезани.

Какъ уже сказано, разлученная съ любимого дочерью,
 маркиза Севинге находила утѣшеніе золско въ зольѣ,
 то писала ей письма. Эта корреспонденція между
 матерью и дочерью продолжалась двадцать пять лѣтъ
 и прослывала шена мѣ. До золье поръ м-те Севинге
 писала письма къ своему двоюродному брату Бюсеи,
 къ г-ну Покпону, но они не очень замечательны;
 въ письмахъ же къ дочери изображено все зоданіе,
 несе обиде, все происшествія съ малѣйшими по-
 дробностями. Съ первыхъ страницъ видно, что нравы
 реиндеса и фронды исчезли. Между молодежью
 и дворянами сохранялись еще преданія привилегій,
 но орги совершалась въ зикомолку, и Людовикъ XIV

уредовали, если не нравственно, то прилично и до-
 стоинства. Скандалье безобразияе рвотне, пороки скры-
 вались, увеселенія дѣлались приличными, разговоры
 деликатными, хотя мажорство начало уже выходить
 изъ моды. Общество начало серьезно заниматься по-
 литическим, литературным, религиозными спорами, даже
 науками, и разговоры, блестящій, живой, увлекающій,
 нѣтъ сомнѣнія моднымъ препровожденіемъ вре-
 мени. Маркиза Севинье пишетъ своей дочери: „после
 обѣда мы пошли въ садъ и до вечера провели вре-
 мя въ самыя пріятныя разговоры, въ которыхъ
 упоминалось и зное шѣя, то доставило мнѣ боль-
 шое удовольствіе.“ При такой срассѣ къ разговорамъ
 и письма были въ большой модѣ, такъ что хорошо
 сочиненная записка переходила изъ рукъ въ руки
 и о ней толковали и судили нѣсколькихъ дней. Не му-
 древо, что и г-жа Севинье писала свои письма съ
 особыми стараніемъ. Разумносья, она не думала до-
 га, что поэтство называетъ иже образцовыми произ-
 веденіями, что они будутъ напечатаны нѣсколькими
 изданіями; она знала точно, что друзья проигнорю-
 тся и будутъ толковать о немъ при дворѣ. Но вре-
 мена Бальзака и Вуазюра уже прошли; надъ пис-
 тями не трудилась болѣе, какъ надъ поэмами, при-
 томъ маркиза Севинье некогда было обдумывать иже.

Она жоронила тисать, не переписывала письма, перо не устывало сидеть за письменным, и она болжала на бумагахъ какъ же, живо и было, какъ въ салонъ. Служащая однако, что она, сообщая о какой-нибудь важной новости, отделяла свое письмо съ особенными стараниями, зрелищемъ надъ нимъ, какъ Лафонтенъ надъ своими баснями, и оно выходило образцово остроумно и маленской злоеи. Всехъ дворянъ болжала о законахъ письма несколько дней, переписывала его, читала наизусть. Письма догери тоже про, изводили много эрфенга, потому что писавшая могла читать находила въ письме много досужности, какъ въ письме не было вовсе. Но въ письмахъ маркизы Севинокъ мало наивности, и любовь ея къ догери какъ же пречувствительной. Подобная привязанность и въ то время была исключительной, хотя считалась въ ней неслучайно. Да и въ току ей было всю жизнь играть комедии?

Нюкозорые писатели сравниваютъ эту Севинокъ съ жено Салъ, но въ письме очень мало сходства. Какъ, да и то въ письме олицетворяется своего Эпохи, свое время; характеры и бытъ и жизнь тоже различны. Маркиза Севинокъ жила только мадеринского молодого, тогда какъ ж-на Салъ испытывала все эрраци, и ея фило, софия и политическая жизнь заглавливали въ ней

качества женщины. М-те де Севинье — представительница классической прозы, которую она кризисировала в форме письма. При письме предсказательно ряд гребеняйно шивихь картинь жизни Париза и двора в эту блестящую эпоху и свидетелем, похъ о редкостъ утъ и образованности своего своего абзора.

Много говорили о слоге этой писательницы, изучали его, цитировали, осуждали, превозносили, но все согласны, что шивихь и оригинальнеть ея мало кжо письмо. Кризисоватъ поэтико и образовой про-изведения, но трудно подражать ея. Когда г-жа де Севинье принадлежала къ школе эманципированной (pre, sciences), но она добра, натуральна, острочувствительна, а ея письма шивихь и блестящи. Она не только правдива, но была любима и уважаема, и ижд дозойной женщины и оригинальной писательницы не забывается въ литературе. Придворные забыли маркизу еще при ея шивихь, но литература сохранила ея ижд, тогда какъ оуб именная при, дворныхъ не вспоминаеть ни негория, ни геловья, гесубо.

Эпикурейский сатирик Сенз-Дремонь (St. Evre, mond, 1620—1703) за сатиру на миръ 1659-го года цылый годъ просидеть въ Бастилии. Выпущенный

^{1) По Эдуарду Энгель: „Gefahren der franz. Literatur“. Вост. 1827. Сенз-Дремонь сь 1613—1703 2.}

на свободу, они должны были бороться с Францией, спасаясь отъ новыхъ преслѣдованій, и зомско въ Тол, ланди и Англии хотъ продолжать писать. Возрожденный и зомкий наблюдатель, онъ смотрѣлъ на историческія событія своего времени и описывалъ ихъ, какъ свозскій человекъ." Если еще многого не упоминаетъ о содѣланныхъ французелляхъ (1657-1757) и его мало глубокомъ главномъ звореніи - *грудь-бнтретіенс энс ла плуралитѣ дес мондес* (Тестадъ о мно, мезьбѣ свозовѣ - міровѣ)^{1686г.}), то это случается болѣе ради полноты нашего историческаго обозрѣнія, чѣмъ ради болшинства литературныхъ достоинствъ.

Вздохъ съ зрими сочинительны мысли и эссе, сжали (сочинительны сжали) хорошаго общезвѣ днйство, были наследующіе образцы, какъ духовные, такъ и свѣтскіе: юридическіе и академическіе. Такъ какъ во Франціи Людовика XIV все основывалось на преувеличенн, сьбѣ и это преувеличеннство было первичны и поелд, нинѣ вопросы, то получило и краснорѣчіе, вы, зеканющее нъ глубины сердца и выщренндо чѣстиде, рид, получило болѣе неволно академическій озрнокъ. Проповѣди бурдалу, ^{маскарона} Фрелетте, Масилотта, Тосенюэра, роти Пеллисона, Французелля и многихъ другихъ зенеръ еще примелькозятъ къ классическимъ литературе, разурисель сочинительны - зворенительны.

1) На русскій языкъ переведены "Разговоры урѣдѣ разномысливельхъ людей" де-Сенъ-Эвремонъ 1770г.

Въ эту эпоху богария утвержденной сангвато времена негория проповѣднаго слова и мѣсть, собственно говоря, мѣсто въ негории церкви, а не литературы; но въ царство-ваніе Людовика XIV жили и действовали также проповѣдники, козоровѣ не вознико. обѣи молчаніемъ и въ негории французской литературы.

1627-1704.

Боссюэръ ³ (Bénigne Bossuet) род. въ 1627 г. въ Дижонѣ, воспитывался въ лезуицкой коллегии и учился также хорошо, что уже 25 лѣтъ былъ док., докторъ богословія. Некоторое время онъ занимался борьбою съ протестантами, ² съ 1668 года былъ воспитателемъ дофина и придворнымъ проповѣдникомъ, имѣвшимъ громадный успѣхъ. Онъ игралъ при Людовикѣ XIV приближенно ту же роль, что Себастьянъ Прокопъ, былъ при Петрѣ Великомъ, съ того, конечно, разницы, что нѣдѣлельность послѣднихъ была направлена къ болѣе полезнымъ для озерсва цѣлямъ. Въ 1681 г. Боссюэръ былъ епископомъ въ Мо (Ксант). Онъ умеръ въ 1704 г.

Боссюэръ блестящій полемикъ и ораторъ. Своими проповѣдями и надгробными словами славъ онъ первымъ церковнымъ ораторомъ блестящаго Версальскаго двора. Проза краснорѣчива Боссюэра знаменелна наосамъ его языка въ связи съ чрезвычайного деносерно. Некоторыя изъ его проповѣдей

1) Bossuet по-русски: Боссюэ или Боссюэръ.

2) Jacques Bénigne Bossuet

принадлежал по языку кь латинскому, что проза XVIII столетия произвела, такъ именно: Sur la Providence, (Провидение) и Sur la mort.¹⁾ Изъ его надгробныхъ словъ (Oraisons funèbres), съ 1669—1687 гг., замѣчательнѣйшій: О смерти французской принцессы Генриетты, королевы Шотландской; О смерти герцогини Генриетты Орлеанской; О смерти принца Louis de Condé. — Въ своихъ много численныхъ богословскихъ сочиненіяхъ Боссюэръ держался точки зрѣнія суроваго правовѣрія, домашнаго у него до фанатизма. И въ словахъ и въ пастырскихъ произведеніяхъ Боссюэръ возводилъ королевскую власть въ догма въ казнилисва; король для него замѣнялъ Бога на землѣ, и всякое сопротивление ему или попытка ограничить его власть есть срамный грѣхъ. Такимъ образомъ, церковь являлась опорой неограниченной монархіи. Но за это монархъ обязанъ защищать единую непогрѣшительную церковь отъ всякихъ ея враговъ, всякихъ еретиковъ, не исключая самихъ насильственныхъ и ~~варварскихъ~~ кровавыхъ. Боссюэръ вообще защищалъ крутую морь, и за кончину войны возводилъ въ апофеозу, а съ его точки зрѣнія законна всякая война, возродъ ведеть къ увеличенію славы невинно-казническаго монарха.

Кромѣ его проповѣдей, наибольшее вліяніе имѣла

1) Его избраннѣйшія проповѣди въ Sermons choisis de Bossuet издалъ Funetière въ 1882 г.

Трактацъ
его, Речь о всеобщей истории (Discours sur l'histoire universelle), написанная для гюргама. Она содержитъ изъ зрѣль пачей; первая (les époques) заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ событийъ отъ начала мѣра до Карла Великаго; вторая (la suite de la religion) оудѣе, кудѣе, какъ христіанство подготовлялось великимъ предшественствующимъ вѣками; третья (les empires) посвящена ообщимъ разсужденіямъ о правленіи, правдѣ и социальномъ положеніи главнѣйш. народовъ древности. Это (содержательно говоря, часть его, политическа, извлеченная изъ свѣтскаго шее, мидъ) и его сочиненіе прозывъ гюргама Maximes sur la comédie, не смотря на нѣе сцимлогическія красота, все-таки содержитъ и много односторон. поудей.

Гюссюэръ написалъ и Трактацъ о познаніи Бога и самого себя и много историческихъ и философскихъ предшниковъ; но еще болѣе сочиненій написалъ отъ прозывъ прозскаго. Въ спорѣ съ лейбницомъ о соглашеніи католицизма съ прозскаго Гюссюэръ былъ еще довольно утѣренъ, но въ предшнѣ съ Френеломомъ о квізудѣе высталъ совершенно изъ роли крозкаго, миролюбиваго пачей, рѣ церкви. Онъ положилъ основанія галликанской церкви, установивъ оженія между фран.

цесто и пансезовны. Своєю ^исвараго о всеобщей исцо-
 рин'и, Мезорий реформатской церкви" Боссеозра
 приобрелъ значение озроумительнаго и озумлези,
 рески совершеннѣйшаго исзорика, конечно съ одно,
 озоронило ^{кругозора} ~~зачки~~ ~~зрания~~ каролишескаго епископа
 и придворнаго Мюдовика XIV. Блесзачий фразы его
 производятъ непрѣзное внезачное обскурантизмаль
 мысли, ограниченнозго взглядоу, узкоозго сузи,
 денит. Но не спозра на все это, Боссеозра во фразы,
 цин приписываюу къ "классикаль" и принузидаюу
 молодиль французоу удивляюу его паммиль рзгаль,
 какъ и во вѣсиль озрамау Мютескуо молодезиль выс,
 тиль учреждиль заведенит принузидаюу къ зтенит
 и здрвленит Митерона. Мелздя и не замязюу, что
 Боссеозра былъ однимъ изъ главниль приимитрель
 озмачениль Намзескаго здикоза.

Рядиль съ Боссеозромъ, но по ублекарельнаму крас,
 морельно рздко равнозачиль ему, ^{были} ~~у~~ ~~не~~ ~~у~~ ~~по~~ ~~ли~~ ~~ди~~ ~~у~~
 зне проповздики: бурдалу (Bourdalone, 1632-1704), Маскаронъ (1634-1703),
 Флемсе (Flemer, 1632-1710) и Масмелсонъ (Masmelon,
 1663-1742). Прозавниками предмезувенниковъ свобо,
 домыслил энциклопедичезовъ были эти каролишеские
 епископы, озглавиль едъ краснорозиль за недо-
 сзачкоу некрельноу губезва. Резуиуу бурдалу тиль
 озроумиль цетиль при дворѣ и былъ озуправленъ ва

У это - возрасениль на "Мезорий реформачий" Бюргеза (Burguet).

Лангедокъ для обращенія протестантовъ и вышесказаннаго Христіанскаго поученія — казньми и пытками. Маскароны прославился надгробного рыцаря Шторенно, Флеминге, кромѣ надгробныхъ и другихъ рыцарей, манти, сама исторія Феодосія и Хименеса. Но знаменитѣе нѣтъ было Пюссюэръ. Его современникъ, бурдалу, дѣйствительный на члѣ слушателей, и наследникъ мас, снискоитъ, сдѣлавшійся ~~манти~~ двигателемъ, доже видѣлъ, нѣтъ проповѣдникъ, но сфера нѣтъ влѣднѣя не, сравнено члѣне.

Представителемъ парламентскаго красноречія былъ Пазро (1624 — 1681). Онъ первый ввелъ во францускую Академію обычай читать безупречныя рѣчи. Каллисонъ (1624 — 1693) замѣчательнѣе не только зрѣлъ снискоитки рѣчи въ защиту своего покровителя Фруке, но и зрѣлъ, что просидѣлъ за дѣи рѣчи пѣдѣръ и пѣдѣръ въ Бастиліи. Онъ написалъ трагедію, Исторію французской академіи, Исторію Людовика XIV отъ смерти Мазарина до Нимбургенскаго мира и Исторію завоеванія Франціи — Корте. Лемезьеръ де Саси (1611 — 1684), адвокатъ, славился какъ юридическій ораторъ.

Объ Инсенизлѣ.

Теперь нѣтъ приходится сказать нѣскольکو словъ о Инсенизлѣ, хотя общедѣлательное изложеніе зтого ученія относится къ исторіи церкви. Въ вѣки

Людовика XIV Ансенизмъ былъ важнымъ социаль-
 нымъ и даже литературнымъ явлениемъ. Название
 свое Ансенизмъ получилъ отъ голландца ^{Корнелия} Ансена, ко-
 зорый родился въ 1585 г. и былъ профессоромъ богос-
 ловія въ Лувенскомъ университетѣ и епископомъ Нотъ протестант-
васалитетис, уки
тисментъ нѣм.
уакн
 Мперскимъ (+ 1638). Всею своимъ трудомъ посвятилъ
 онъ тщательному изученію сочиненій святаго Ав-
 густина. Плодомъ этого изученія были ученый трудъ
 подъ заглавіемъ Augustinus, изданный зоро послѣ
 его смерти. Ансенъ возобновилъ старый споръ первобыт-
 ныхъ христіанства о значеніи предопредѣленія:
освободителю ли добрыя дѣла отъ ада, или каждаму
предопредѣлено, кому наслаждаться райскими бла-
женствами, кому несбытывающа адскія мученія. Ав-
 густинъ решилъ этотъ споръ въ пользу предопре-
 деленія, но съ этою безобразною теоріей челоуку
 не хотѣлось прикинуться, и богословіе оукисыва-
 ло выходы и выворота. Въ новое время Мозеръ
 и Калвинъ принѣли ученіе Августина съ нѣско-
 зорими, впрочемъ, — въ особенномъ Мозера — смѣн-
 ченіями. Въ первой половинѣ XVII вѣка въ Голландіи
 гдѣ этотъ вопросъ вызывалъ даже кровавыя распри;
 во второй же его половинѣ онъ былъ поднятъ въ
 католической Франціи при ивнѣ челоука.

Нравственныя люди распуценнаго XVII вѣка воз-

ищущимъ поведениемъ духовенства, которое поддержи-
вало распущенность излишней снисходительностью
на исповяди; многие исповядники, такъ называемыя,
мне кажутся, доказывали и словесно и печатно,
что можно достигнуть райскаго блаженства, ка-
дет въ грѣхѣхъ, по возможности, каждую недѣлю
и отдавая часть ищущему церкви. Особенно энер-
гично въ этомъ направленіи действовали иезуиты,
для которыхъ законъ была дорога религія и нрав-
ственность; связавъ оузы ордена Иисуса не только
не смущали развращенность французскаго общества,
а, напротивъ, радовала: чѣмъ больше богаче люди
надѣлаютъ грѣховъ, тѣмъ покорнее будутъ они
передъ іерархіею и тѣмъ больше денегъ дадутъ
церкви. Французскіе Яansenисты, отдавая казны,
камни, возмущаютъ энергично противъ этого, действа,
явно безнравственно, ученія; они весьма мнѣ-
рочно острекрещивались отъ связи съ кальвинизмомъ,
хотя съ послѣднимъ имъ сближалось, кромѣ ученія
о предопредѣленіи, сужденіе церкви свое зиждетъ
по образу Христіанской общины первыхъ вѣковъ
и недоумевало церковныя порядкомъ вообще.

Яansenизмъ, какъ извѣстное религиозное мнѣніе,
существовало уже давно, но партией соціальной и
интературной оно сдѣлалась тогда, когда получили

точку опоры в монастыре Port-Royal (Порт-Рояль) у Версаля. Огромное болемисшево французских монастырей было в тоской связи с той или другой аристократической фамилией; Порт-Рояль было в тоской зависимости от Обернской дворянской фамилии Арно, которая снабжала его монашескими и аббатами. Одна из Арно, Анжелика, поселилась в монастыре совершенно сознательно, по побуждению и с целью для того времени и для женщины, не научной подготовкой. В монастыре составила она кружок из людей обоего пола - кравы того времени безусловно дозволяли устремлять в монастырях почти в роды озерей и салонов - преимущественно из своих родственников и родственников, кравы, кружок, занимавшийся научными и, главным образом, богословскими вопросами. В споры о предопределении все эго кружок объявил себя на стороне Инсенизма. Когда в Порт-Рояль завели школу, куда парижская знать ездила охотно отдавать детей своих, иезуиты, сморзавшие до того пор на Инсенизм с хвозом пальцы, всполошились; посылались им жалобы в Рим и к королю; началась борьба литературная и более глупая борьба перед духовными судами.

В начале Людовика XIV глава Инсенистов

не изъ религиознаго фанатизма, а потому же, почему цезари гнали христіанъ: онъ не хотѣлъ этого государства въ государствѣ; вносилъ себѣ въ эту причину присоединилое и вліяніе іезуитовъ. Въ самый знаменитый для Франціи годъ 1709-ой Людовикъ нашелъ время задержать галлами Порта-Рояля: онъ выгналъ орудя монаховъ и нѣсколькихъ членовъ фамиліи Арно посадивъ въ тюрьму. Между борьба янсенистовъ Порта-Рояля съ іезуитами кончилась тѣмъ, что Людовикъ, ненавидѣвшій звать чужеземцевъ и видѣвшій въ нихъ прозвѣщиковъ самодержавій, приказалъ снять сомнѣнія Арно и разрушить Порта-Рояль.

Въ этой борьбѣ принималъ участие величайшій изъ французскихъ прозаиковъ викъ Людовика XIV, Блезъ Паскаль, который былъ не только однимъ изъ гениальныхъ людей Франціи, но и самымъ ревностнымъ и даровитымъ защитникомъ Порта-Рояля.

1623-1662.

Blaise Pascal род. въ 1623 г. Отецъ его былъ префектомъ клермонтскаго суда и короткій казенникъ. Блезъ былъ единственныи сыномъ и съ самымъ молодымъ лѣтъ обнаруживалъ удивительныя способности. Отецъ рѣшился посвящать себя совершенно его воспитанію. Продавъ своего галлантскаго, онъ въ 1631 г. перенесся въ Парижъ, имѣя совѣтниками друзей идеи

о воспитании, нежели существовавший в то время. Он не раньше 12-ти лет начал учить сына по латыни и старался больше развивать его умственные, нежели физические, качества. Дитя физически, более векорь захотеть знала пригину ветель доисввий и явлений, и убедился фолско очевидносно, а если ему не представляли эрмль пригитов, онь самь при- думывал ихъ. Однажды кро-го пошомь слегка уда- рилъ по фрамсовому блюду, — и оно издало звукъ, которий вознась прекращался, какъ скоро клали руку на блюдо. «Оттого это?» спросилъ блезъ Пас- каль, и началъ производить множество отвзобъ въ этомъ родѣ. 12-ти летъ, онь соеавилъ цѣлый трактатъ о звукахъ. Въ то же время ему хотѣлось у- читься геометрии; но отецъ беречь его способностями для изученія языковъ и сирьзалъ отъ него все ма- тематическiя книги. Паскаль въ дѣтствѣ проявилъ не только гениальныя способности, но и необычно, великую охоту къ работѣ; опасаясь за его здоровье, отецъ не давалъ ему математическiя книги. — Да все мнѣ фолско скажите, что такое геометрия? спросилъ онъ у отца, — и отецъ отвѣчалъ, что это наука начертанія вѣрныхъ и правильныхъ фигуръ и нахожденія точныхъ соотношеній между ними. Этого было довольно для блеза, и онъ занялся эрмль

матерзаніемъ и приисканіемъ означеній. Впрочемъ,
 отъ дѣлала въ зайки оуъ оуца, въ рекреационные часы,
 и когда однажды слишкомъ долго углубился въ эту
 работу, оуецъ засталъ его за нѣмъ, и съ усиліемъ уви-
 дѣвъ, что Блезъ еалъ сабого дошелъ до 32-й теоремы
 1-й книги Эвклида. Во следанихъ радоезди разсказалъ
 отъ отъ Эроль одному ученому нрѣ друзей своихъ, гово-
 рѣ, что сынъ его изобрѣлъ своего математиксу. Блезъ
 Паскаль, шнѣвъ всего 12 лѣтъ оуъ роду, создалъ своего
 геометрию нрѣ головы. Тогда оуецъ оудалъ Бледу все
 книги Эвклида и четвѣди Паскаля были закъ блескъ,
 то отъ 16-ти лѣтъ были приняты въ обшество, нрѣ
 козорого въ 1662. образовалася академія наукъ. Отъ
 написавъ тогда, Трактатъ о коническихъ сеченіяхъ,
 удивившии даме Декарта. На 19-мъ году изобрѣлъ
 отъ арифметическую машинку, и получивъ на нее при-
 вилегію, оуправилъ шведской королевы Кристини.
 Эту президебремяныя зруды не могли не разсрощу
 молодого организма, и Паскаль съ 18-ти лѣтънаго воз-
 раса былъ есидневно болѣтъ. Однако отъ продол-
 знанъ занимарся и переписывался въ это время съ
 Ферма о вкешемъ геометрическомъ анализѣ и о
 дѣлѣтвѣи вѣса. Отызвѣ Торикелли заставили и его
 предпринять рядъ экспериментовъ въ Эроль родѣ,
 для опроверженія езаринной аксіомы, что въ

природы ^{иногда} творит чудеса. Его опыты с ртутью на вер-
 тинях Пюи де-Дома¹⁾ и у подножия этой горы одна-
 ружими явления давления воздушного столба, —
 и с этой минуты началась новейшая физика. Вся
 ученая Европа рукоплескала открытию Паскаля.

Можно ли было думать, что ^{иногда} великие умы
 Глигеловичи и в закннх молодых лн.
 займт. Паскаль вдруг оставил это поприще и бро-
 сает в религиозную полемику? Ему попалась тогда
 в руки книга Янсеня: „О преобразованнн выщрен-
 ннго человека“, и его поразила фраза автора: „Бог,
 покойное любознательство развиваетъ чужденннго
 двндренннго человека, и мы ее называемъ наукою.
 Это любознательство заслвляеть насъ проникать въ тай-
 ны природы, козорнн до насъ не касалось, козо-
 рынн намъ не нужно знать и козорнн мы са-
 раемнн идуемъ только для того, тогда скажемъ: я
 знаю.“

При чтеннн этого мннннн, Паскалю показалось,
 что великое человеческое знание — гордое и суета,
 и отъ написалъ козоль: „да! я понимаю, что оз-
 влеченннн науки не свойственнн человеку, и чннн
 больше отъ нннн предаетъ, чннн больше заблудаетъ.“
 Сь этой минуты совершилось превращеннн Паскаля,
 и пресиде всего озражилось на его семейство. Отъ

1) Puy de Dôme

убедили старшину своего семейства (21 года) поступить в монастырь. Сильно он подвергся параличу и почти ходил голышом на козлах. В 26 марта доктор Аред. сказывали ему суицидальное, если он не бросит занятия; 5 Паскаль шло исключительно в свозе, пошел сошелся с одним из Арно, познакомился с Анжеликой и стал убежденным Ансимином. Между тем в 1653 г. отец его умер и оставил ему большое наследство. Он стал жить роскошно, путешествовал в большой свозе, даже вилле, тался в дило фронды, и его едва не убедили купить себя долготой и землей. Но одно нежданное приключение вдруг снова бросило его на путь религиозности.

В ноябре 1654 г., пошел он гулять гезвирского в карету. На козлу Мейли лошади взбесились и понесли. Сперва была очевидна. Первая дья лошадь была уже в воде... вдруг постройка лонцу, и карета с Паскалем остановилась на самом берегу. В этот пор он стал часто задумываться, и ему чудилось, что подальше него разберца пропасть, в которую он упадет. Религиозное настроение окончательно победило, и он объявил сестры своей, монахинь, что совершенно передает Богу. Ему было 32 года, и он уже до конца жизни не

же изгонялся; но и в этом направлении он еще успел много сделать полезного, прославив, само его.

Уже его попомеская работа: Discours sur les passions de l'amour показывающ Паскаля мастером нескромнаго и выскать съ зломъ людоедственнаго слога прозы, но не свидѣтельствуетъ еще много объ индѣивной проникательности мыслей его главнаго зрѣда, да, это — его Lettres Provinciales („Провинциальныя письма“ 1656 г.) Когда церковный и королевскій судъ высказался прозубъ Янсенизма, Паскаль выступилъ именно съ эфиромъ своиими знаменитѣйшими, провинциальными письмами. Полное заглавие иль: Lettres écrites par Louis de Montalte à un Provincial de ses amis et aux révérends Pères Jésuites sur la morale et la politique de ces pères („Письма Луи Мон, тала къ провинциальному своему другу и къ порз, земельнѣмъ иезуитамъ о нравственности и политикѣ послѣднихъ“, 1656—1657). Поводомъ къ эфиромъ письма (содерженно говорѣ) послужила ссора герцога Мянкура со своимъ духовникомъ, аббатомъ Пикоме, отказывав, шимъ ему въ присажии за ро, что онъ жилъ въ доктѣ Янсениза и воспитывалъ въ Порь-Ровле бѣдную дѣвчушку. Дѣло это произвело много шума, и Арно написалъ свое „Первое письмо къ знаменитому

геловнику." Оно вызвало сильные отзывы, на которые
 доль отзывался "взоромъ писателя". Доло было пред-
 ставлено въ Сорбонну — и аббать оправданъ. Тогда
 явился Паскаль на сцену, и 23-го января 1656 года
 обнародовалъ первое свое письмо. Настыжши его надъ
 издугами убилъ ихъ въ мнѣнїи публики. Тогда
 предохранить себя отъ иль покушений, отъ перее-
 халъ подъ гущинъ иженить въ отдаленномъ квар-
 таль. Второе провинціальное письмо было отъ
 29-го января. Первое письмо, зракъовавше о суц-
 поци иксенизма, не произвели особеннаго дѣй-
 ствїя, но когда Паскаль привиделъ за издуговъ и
 ералъ излагать иль мораль своихъ раздумїя, отъ
 гудливый дѣлать и сильныи дѣлать, его пис-
 ма расходились въ огромныхъ количествахъ, и
 общесуветное мнѣнїе ерало на сторону Порта-
 Рояля. Провинціальныи письма всего восемнад-
 цать, и при величайшей иль усталости никто
 не зналъ: кто иль авторъ. Король Людовикъ XIV,
 конечно, не обратилъ вниманїя на общесуветное
 мнѣнїе, но это не прошло даромъ яму и его по-
 томкамъ: образованная буржуазїя, съ запаздыва-
 ющей временемъ бывшая опорой трона француз-
 скихъ королей, впервые похуеждала иудоволь-
 ствїе противъ королевской власти, а известно,

какъ это неудовольствіе выказалось черезъ срамоту.

Второй главный трудъ Паскаля, это — его Pensées (Мысли), появившійся въ 1669 году въ свету, и какъ 7. мая послѣ смерти автора, и составляющая апологію религіи и напоминая на каждой страницѣ самыя суровыя догматизмы и самыя суровыя скендицизмы.

Между тѣмъ болѣзнь Паскаля усиливается, а съ нею и набожность его. Онъ сдѣлался аскетомъ и на голову тѣло носилъ подѣль съ желѣзными оуздами. Какъ скоро губерво гордоери волновало его, онъ зонтакъ начиналъ жерзартъ свое тѣло. Такимъ образомъ провелъ онъ послѣдній нѣтъ мая жизни, оказавшійся отъ весьма нирекимъ удовольствій и у. добръ. И однако, въ одну бессонную ночь онъ придумалъ математическое рѣшеніе о циклоидѣ, которое и обнародовалъ. Наконецъ онъ слегъ и похре. бовалъ, чтобы его перевезли въ госпиталь, но это не было исполнено, и онъ умеръ на сорокавторомъ году, преодолевая весь сурраданій, убѣждая окружа, пощилъ не жалеть о немъ, потому что „сурраданій самое нормальное соединеніе Кристіанства“. Этотъ суранный, полупомытаный ученый, въ которомъ религія удѣла гениальныя способности, звердо въ, равшій въ прогрессъ, утверждавшій, что, на похотный,

стольною, идя во все зрѣніе вѣковъ, должно смотрѣть, какъ на одного человека, который похотѣно жи, жить и учить, былъ въ эпоху брѣня замѣтательнѣе смилсхотъ, и его „мысли“ и „Провинціалскія писма“ написаны прекраснѣе языкомъ. Буало было въ восхоротъ оуъ искусство языка и художественнаго слога „Провинціалскія писма“ (Lettres Provinciales), и М. де Севинье, пресловутая писательница писемъ XVII столѣтія, была упоенная восхоротъ при тѣхъ, нѣхъ писемъ Паскаля прозванъ язвучивыхъ. Lettres Provinciales Паскаля продолжали дѣло знаменитаго оуца французской, а до извѣстной степени и всей новой философіи Декарта (его Discours de la Méthode вышла въ 1637 г.): они подготовили литературную прозу не красноречивую и фразеусую, а дѣлстную и точную, и подготовили публику къ чтенію Дидро и Вольтера. И „Провинціалскія писма“ и „Мысли“ (Pensées) переведены на весь языкъ!

1613 - 1680 За философию слѣдовали моралисты. Герцогъ Франсоис де ла Рокефоканд (Ларошфуко), председа. видѣлъ одного изъ самыхъ знаменитѣе и дробнѣе аристократическихъ родовъ, род. въ 1613 г. Получивъ недосадовотное воспитаніе не смотря на свое герцогское происхожденіе, онъ самъ образовалъ себя, принималъ участие въ фронтѣхъ изъ независимы и

1) На русскій языкъ „Мысли Паскаля“ переведены М. Буоровскими въ 1843 г.

Мазарини. Фрондо¹⁾ во XVII столетии называлась париж, которая во время малолетства Людовика XIV прозывалась двором или митисфереву кардинала, ма Мазарини (Мазарини). Мазарини сражался на барикадах Сен-Антуанского предместья и огул раны едва не лишили зрения; во молодости был всецело погружен в политический и политический интриги; успокоившись и пользуясь благо. склонности сначала герцога Лопвид, потом графини Лафайет, он открыл свой роскошный дом для выдающихся литераторов и беллетристов, как то Буало, Мольер, Расин, и те Лафайет и др. были его ежедневными гостями; но, при конце жизни потерял сына и внука, умер в изнурении в 1680 г.

В 1662 г. Мазарини издал свои Mémoires sur la Régence d'Anne d'Autriche („Мемуары о времени регенства Анны Австрийской“), обнаруживающие глубокое знание дела и умение и искусство в этой ^{ситуации} ^{дипломатическом} дополнении к мемуарам кардинала Ретца (Retz) той же эпохи (1613-1679). Во вступлении Мазарини преимущественно излагает свои мысли, Maximes („Максимы“), в полемическом духе, в виде: „Réflexions et Sentences ou Maximes politiques“ (1665 г.), отрывки из которых обязательны для

¹⁾ Въ фронтен, собственно говоря, куда-то с размаху, порицая правительствую, фронтен, недовольный с правительством.

всей французской хрестомадии. Эта книга по всей вероятности повлияла на издаваемый "Мысли" (Pensées) Паскаля. Какъ мы уже слышали, герцогъ вырадно участвовалъ въ борьбѣ фронтисъ про, дубъ магарини, но болѣе всего про-либо другою изъ фронтисовъ онъ былъ обманува въ ожиданіяхъ, не получая благодарности именно со стороны дубъ, для котораго на пользу котораго онъ пожертвовалъ своими выгодами, — такъ со стороны самой королевы Анны. Итакъ, онъ сдѣлался мизантропомъ и это настроеніе выказалось и въ его "Мысляхъ" (Pensées), замѣчательныя по фронтисъ столько же какъ и по идея, хотя все теловогическое изобрѣтеніе Ларомефурко приписывается одному изобрѣтателю — Грозному и мн., нѣтъ интереса. Въ одно изъ многочислен, ныхъ дамскихъ салоновъ, въ домѣ г-ни де Сабле, было подобно проводима время оустройства изъ реченій и мудрости. Терцонъ де Ларомефурко былъ походившимъ гостемъ въ оуездъ М-ме де Сабле, и дубъ получилъ отъ веродно гонимыхъ въ фронтисъ своего произведенія.

Оно содержитъ 528 maximes — наставленій — мыслей, у сцилметического совершенствования коро, ривъ Ларомефурко работалъ 15 лѣтъ, съ 1665 до 1680 года, года его смерти. Какъ уже сказано, все телово,

рекие поступки авторы приписывают Эгону и мне,
 мать интересна. Любовь, дружба, великодушие, скром-
 ность, цыломудрие, все - самолюбие. Иногда Ларон,
 фужо прибавляет, конечно, сядягизельное „предче или
 „la plupart“ или „rien“; но болшето газето отъ вѣра,
 сваяръ свои мысли или насудавленія очень рашивает,
 но и презираетъ всякое сядяжение. Удивительно,
 что Ларонфужо, не смотря на свои политическія
 разочарованія, въ своей сядягизе небыжавшіи нко,
 го любви, свившіи въ прекраснѣйшемъ отношеніи
 къ М-те Лараеъ, мотъ написать такія гнѣсвѣдъ
 слова, ^{какъ напр.} „Il y a peu d'honnêtes femmes qui ne soient
 lassées de leur métier“. Это случилоетъ въ радужно вѣсѣдъ,
 свѣіе случайнаго каприза или склонности къ нара-
 доксу; но никакъ не мотетъ случитъ. Мотрѣлаво
 при оцѣнѣніи его характера. Въ болшого оукро,
 болшогого герцога говорить самъ о себѣ: „J'aime mes
 amis, et je les aime d'une façon que je ne balancerai
 pas un moment à sacrifier mes intérêts aux leurs“. ^{не колеблется}
 Но это не мотало ебу писатъ: „Nous avons tous
 assez de force pour supporter les maux d'autrui.“ ^{презирать}

Главная или единственная ошѣбка Эгона, мисленъ
 за, что отъ въ обобщающей формѣ высказывають
 результаты наблюдений, которые слишкомъ односто-
 ронни, и тогда не обнаруживають односторонности мисленъ.

Богъ некрозопое нрпуропе . маеден².

Quelques découvertes que l'on ait faites dans le pays de l'amour-propre, il y reste encore bien des terres inconnues.

La philosophie triomphe aisément des maux passés et des maux à venir; mais les maux présents triomphent d'elle. —

L'intérêt parle toutes sortes de langues, et joue toutes sortes de personnages, même celui de désintéressé. —

On n'est jamais si heureux ni si malheureux qu'on se l'imagine. —

Si on juge l'amour par la plupart des ses effets, il res- semble plus à la haine qu'à l'amitié. —

L'amitié la plus désintéressée n'est qu'un commerce où notre amour-propre se propose toujours quelque chose à gagner. —

Comment prétendons-nous qu'un autre garde notre secret, si nous ne pouvons le garder nous-mêmes? —

Les vieillards aiment à donner de bons préceptes, pour se consoler de n'être plus en état de donner de mauvais exemples. —

On ne donne rien si libéralement que ses conseils. —

La magnanimité méprise tout pour avoir tout. —

Peu de gens savent être vieux. —

Книга - рѣворуѣт. Курнурнннкова - наисава за, мнраделно издрнсноу и звучноу прозоу, показываеъ въ абзорѣ болшыю наблюдательность, обращенную пре.

и мужественно на недооценки человеческого природы
 и современного ему общества; но в пессимизме ав-
 зора видно весьма безудачное осуждение нравственного
 идеала и веры в людей, лучшим доказательством которых
 будто-бы обусловлены были самонадеянность. Книга
 имела большой фурор; относительно себя все отрицали
 правду этих изречений, но касательно других людей
 своих близились не отрицали их. Мысли имели,
 при жизни автора, шесть изданий, и Вольтер справед-
 ливо замечает, что во его время все знали их на-
 изусть. Не меньшей известностью пользовался Амели,
арх его, в которых рассказано рождение Анны Ав-
 стрийской. Слава Маршфуко дошла и до нашего вре-
 мени. (На русский язык „Мысли герцога де Ла Роше
 Фуко“ переведена Р. П. в 1798 г. и Ив. Бараншиковым
 в 1809 г. в Москве.)

Другой моралист — Лабрюйер (Jean de La Bruyere) 1640⁵ — 1696⁴.

О его жизни мы знаем очень мало, даже год его
 рождения определенно не известен. Принимаясь,
 что он родился около 1640 — 1644 — 1645 года, случилась
 смерть в Казнь, позовясь по рекомендации Боссуэта
 был вызван в Париж и сталань младшим
 губернатором принца Конде (Конде) — герцога бургон-
 ского; с 1693 года член Академии; умер в Вер-
 саль в 1696 г. как воспитатель молодого принца Конде.

1) Маршфуко — основатель особенного французского, esprit и редкость выразить
 с помощью его блестящим и предельно. Эрот, esprit сохранил не столько в
 глубине мысли, сколько в их поразительной форме, и как раз в этой форме
 Маршфуко — мастер.

Эрозь великий наблюдает людей ^{самъ} весь ваять свой
 прошивая безъ вниманія - не замечая ошибокъ. В
 невозможности жизни Эрозь писателя приодушевилъ.
 Убить больше сознается, поэтому что мюзия поща
 его сочиненій слушать очевидно выражениемъ его
 личности опровергъ. Намъ хотелось бы поближе знать
 человека, какъ стало писателя объ ужасной судьбѣ,
 бы французскаго президиума во время царствъ,
 ваянъ Людовика XIV. Въ то время, когда весь при-
 дворные поэты презрительно хвалили блестящую
 эпоху царствованія Людовика XIV и говорили о
 неопределимой славы безъ подданнической Эрозь
 „король солдата“, до Эрозь одиозный оронъ -
 плачевный крикъ очень замечательный. Лабрюйеръ
 единственныи человекъ, видевший реальность,
 между тѣмъ какъ другіе французскіе писатели того
 времени, если они вообще занимались вещами,
 касающимися вѣкъ двора, предполагали, что весь
 оурава населена лишь идиллическими пастуха-
 ми и пастушками.

Единственное сочиненіе Лабрюйера - его „Caractères,
ou les moeurs de ce siècle“ - вышло въ свѣтъ въ 1682.
 Рассказываютъ, что авторъ, не найдшии издателя для
 своей книги, подарилъ рукопись дочери одного зна-
 каго, ^{дружескаго} книгопродавца, приобрѣтавшей отъ издателя во-

— Книга написана по образцу „Характеровъ“ Теофраста (4 столетия до Р.Х.), которые въ переводъ Лабрюйера составляютъ приложение къ его содѣзвеннымъ описаніямъ Характеровъ. Лабрюйеръ изучалъ „Характеры“ Теофраста, сначала перевелъ ихъ и издалъ съ небольшою дополненіемъ, заключавшимъ въ себѣ размышленія о нравахъ его времени. ^{Книга} „Les caractères de Théophraste traduits du grec, avec les caractères ou les mœurs de ce siècle“ ~~вышла въ 1687 г.~~ (Характеры Теофраста, переведенные съ греческаго, съ Характерами или нравами нашего времени), вышла въ 1687 г., въ которой онъ изводитъ Теофраста съ высоты общихъ типовъ и размыслилъ на индивидуальное и реальное. Книга имѣла огромный успѣхъ и выдержала восемь изданій, въ которыхъ Лабрюйеръ постоянно прибавлялъ новыя сцены. Последнее изданіе содержитъ 1119 „Характеровъ“. Какое драго, цѣннѣйшее въ нѣхъ политическое размыслие въ родѣ *Maximes* („мыслей“) Ларошфуко. Въ своихъ сценкахъ Лабрюйеръ представлялъ греческаго порока, съ точки зорю моды, не нравственнаго общественаго мнѣнія, жизнь вѣкъ человѣческихъ при взаимнозвѣдѣ. Нѣкоторые его книги „О государяхъ и государствѣ“, „О модѣхъ“ („De l'Étiquette“ — здѣсь находится пресловутое мѣсто объ ужасной судьбѣ французскаго

крестынина), «О моды́ заимочарелские не зотско дле,
судимить оеуручимиль, но и ситлоерско мислей. М.
Зорь даеъ дерзкие совозы королю и говориль, что
«Un dévot est celui qui sous un roi athée serait athée»
(Набожный человекъ зорь, кто при королю атеиста
будеъ самъ атеистомъ). Лабрюйеръ утверждаеъ, что
счараеъ едѣлаеъ людей разумными, тогда какъ Паскаль
скаль хозиль иль едѣлаеъ вторуюцими, а Ларом-
фруко — геометрами. Но изъ своихъ мелкихъ и правди,
виль замыселъ отъ не дѣлаеъ общаго вывода, хозь
даеъ прекрасные совозы всякому возрасту, всяко-
му сословию, всякому увлечению — зотско не всяму
человочеу. Изъ вѣтъ его мислей, афоризмовъ,
картинъ не выходиъ ничего цѣлаго, хозь взыре
отдѣльно все оти превосходны» (В. Зозовъ).

Сила Лабрюйера почти какъ же блестящая, какъ
сила его великаго современника, Ларомфруко. Ла-
брюйеръ избегаеъ лишь ^{слишкомъ} парадоксальнаго заверенія.
Онъ многостороннее (тѣмъ) Ларомфруко, не зотско
при выборѣ предметовъ — сюжетовъ, но и по качеству
своего наблюденія. Его взглядъ меньше преданъ пред-
разсудкамъ, тѣмъ взглядъ Ларомфруко, и вѣтодѣвѣ
зото его неумя, основанный на обычаѣ, болѣе мно-
госторонни. Лабрюйеръ меньше прѣсталоуеи, тѣмъ
Ларомфруко, но его психологическое поученіе болѣе

urgencubno (Bozъ roekovsko opuntopobъ ero oeppozъmъbъ
uzpererimъ.

Tout est dit et on vient trop tard depuis plus de sept
mille ans qu'il y a des hommes et qui pensent. —

Entre toutes les expressions qui peuvent rendre une
seule de nos pensées, il n'y en a qu'une qui soit la bonne. —

Un devot est celui qui sous un roi athée serait athée. —

Il y a de certaines choses dont la médiocrité est inop-
portable: la poésie, la musique, la peinture, le discours
public. —

Un beau visage est le plus beau de tous les spectacles,
et l'harmonie la plus douce est le son de la voix de
celle que l'on aime. —

Une femme oublie d'un homme qu'elle n'aime plus,
jusqu'aux faveurs qu'il a reçues d'elle. —

Les femmes sont extrêmes: elles sont meilleures
ou pires que les hommes. —

La plupart des femmes n'ont guère de principes;
elles se conduisent par le cœur, et dépendent pour les moeurs
de ceux qu'elles aiment. —

Ne pourrait-on point découvrir l'art de se faire aimer
de sa femme? —

L'amour commence par l'amour; et l'on ne saurait
passer de la plus forte amitié qu'à un amour faible. —

C'est faiblesse que d'aimer; c'est souvent une autre faiblesse que

arstet, abstrahat
de queris. —

Il faut rire avant que d'être heureux, de peur de mourir sans avoir ri. —

Лабрюйера не забыть до сих пор, благодаря своей книге. На русский язык книга Лабрюйера переведена в 1812 г. Кнж. Миллициной под заглавием „Характеры или свойства различного состояния людей нынче, и в древности“ (Москва, 2 тасу).

Оригинальные философские и исторические прозаические XVII столетия можно коснуться лишь мимоходом или обаяни молчаливым: иль последнее достоинство — мало велико для французской литературы.

Представительные философской и исторической критики этой эпохи были Пьер Бейль (Pierre Bayle) (1648⁷ — 1706). ^{Он родился в 1648 г.} Как профессор обращенный иезуитами в католицизм, он через полгода снова перешел в протестантизм, не признавая искусы католических догматов. Он был профессором в Седане (Sedan); гонимый за свои религиозные убеждения, он переселился в Голландию, но, получив кафедру философии в Роттердаме, долгие годы был изгнан и это место, поссорившись со своими единовещниками. Гордый поклонник свободы и вольнодумия, он умер в удрученном

1648⁷ — 1706.

взводили и звалились зрудомы в 1706 г. — еще во
 первом своем сочинении: "Размышления мысли о
 комедии" 1681 года отъ высказалъ мысль, что неверие
 лучше суеверия и поэтому государство золотого века,
 зовяща зерниность къ неверующимъ. Въ своемъ жур-
 нале Nouvelles de la république des lettres (Новая
 литературная республика), именованъ остротный
 усталъ, отъ осмелень памфлетажки религиознаго
 проследованія Людовика XIV., какой выводъ можно
 сделать о христианствѣ, судя по закиму наследия?
 спрашивается отъ: не подумаютъ ли, что это крово-
 жадная религия, потому что для поддержки себя
 она прибываетъ не только къ обману, ложивимъ
 клятвамъ, но къ драконадамъ, палачамъ и инква-
 зитамъ. Отъ поднялъ вопросъ объ отношеніи имъ,
 шлея къ церкви и не поднимаетъ разума оу-
 кровенію, хотя сознаетъ ничтожество разума.
 Перръ бейтъ предсказываетъ самый романтизмъ,
 но съ начала до конца гезивий и безкорыстныхъ,
 скептически литература великаго столетія.

Главное произведение Бейля Dictionnaire histo-
 rique et critique (Словарь историческій и критиче-
 скій) вышелъ въ нѣзи зонсривъ францажахъ съ
 1695—1697 гг., сперва въ Роттердамѣ, а ^{послѣ 2010} позже въ Па-
 рижѣ. Знаніе и работа сада этого писателя были

1) Pensées diverses sur les comètes.

удивительными; его Dictionnaire - "Словарь исторический" похвалы прекрасны, хотя тогда неодобраны были суждений, и сегодня еще как справочная книга - знаменательнейшей важности для истории культуры и литературы XVII века. Другою переломною в творчестве автора является его религиозно-эстетическая критика в его "Словаре критическом". Жюльен, французский философ, написал основательный труд о Бейле, это - его ласковое, но критическое сочинение: "Bayle. Ein Wort zur Forderung der Philosophie mit der Manier". (Сужденіе по истории философии и таланта Жюльена).

Прозвучавшим эхом предсудебниковъ свободолюбивыхъ Энциклопедистовъ были казенные епископы, озлившись красноречивыхъ за недовольство искреннего глумления. Мы иль уже знаемъ. Это - Маскароны, Флемингъ, Турдалу, Боссюэ и др.

"Замечки графа Вюсси-Рабюзена (Vuesy-Rabouin, 1618-1693), и его "Histoire amoureuse des Gaules" переходяще даже въ область скандальныхъ произведений. Проведя тринадцатъ лѣтъ въ изгнаніи за то, что смѣлъ написать сатиры о любви короля къ Лавальеръ, Вюсси рассказалъ въ своемъ послѣд.

неилов произведении всю скандальную хронику царствования Людовика XIV и просидеть за то продолжительное время в Бастилии.

Последними великими писателями эпохи классицизма и вместе с тем первыми предвозвещателями литературы оппозиционной и века просвещения, были Френелон, Козорин, Жаклин образцы, в одном себе совмещающие итальянскую переходную эпоху от самодовольства и блеска века Людовика Великого к роковой по своим последствиям действительности предвозвещателей революции.

François de Salignac de la Motte de Fénelon родился 1651-1715. в своем родовом замке² в 1651 г., воспитывался сначала в ^{посредстве в монахи} Казорн, назначался к духовному званию и воспитывался пономарем в Париже, в семинарии св. Сувенция; отлично знал древнюю литературу, в то время не знал о далеких миссиях, о миссионерстве³; особенно манила его Греция. Он отказался от светской карьеры по искреннему и глубокому призванию; 24-х лет был уже св. священником; через три года архиепископом парижским поручил ему - молодому аббату - перевести в казанское духовное училище, и здесь впервые Френелон проводил замечательную сподобную привилегию, как людей лаского и убежденности. Узнав о

1) de Salignac (скорее, нечем de Salignac) de la Motte - Fénelon.
2) в Перигоре.
3) думать поведать себя миссионерству в Канаде и Ливане.

378

его басурных и прогнанных усплахалъ, король поручилъ
ему образцы въ казенныхъ профессорахъ, населявшихъ
Сензоню; но молодой аббатъ не согласился принудясь
задолго раньше, неслим правительствомъ оздобить орудия
свои драконады, на что Людовикъ, хоть неохотно, изъ,
явилъ, наконецъ, свое согласіе. И здѣсь¹⁾ читалъ превъ,
зошелъ всеобщія ожиданія. Въ Сензоню Френелонъ
допустилъ тамъ проповѣдывать профессорахъ и училъ
молодыхъ дѣвушекъ, обращенныхъ въ казенныя.
• Для дѣтей и другихъ онъ написалъ два трактата²⁾ свои
взгляды на воспитаніе Френелонъ выразилъ въ книжкѣ
«О воспитаніи дѣвушекъ» (*L'éducation des filles*)³⁾, вышедъ,
шей въ 1687 году. Въ награду за это, а главное, по
удовольствію въ замѣтательныхъ педагогическихъ епископъ,
послалъ и по представленію Боссеюга, король въ
1689 г. поручилъ ему воспитаніе своихъ внуковъ,
изъ которыхъ сдѣлалъ герцогу Бургундскому, богато
одаренному мальчику, предводило послѣ епископа до-
фина брата короля Франціи. Въ зрѣлыя поръ иже,
разурная дѣятельность Френелона принималъ характеръ,
зѣръ преимущественно педагогическій. Для своихъ вос-
питанниковъ Френелонъ сдѣлалъ позволь, но позволь
въ прозѣ. Чтобы вселить въ нихъ правила доброй
правдивости и вѣрности съ зѣль приучахъ ихъ къ
наблюдательности, онъ сочинилъ свои «Басни въ прозѣ»⁴⁾

1) Въ Сензоню и Омни (Omnes)

2) *Traité de l'éducation des filles*, 1687 г.

3) Паризь, около 1681—1686 г. онъ написалъ «Dialogues sur l'éloquence», которое
издано Голско въ 1718 г.

когда герцог Бурбунский и познакомился с историей, Френелонъ, въ подражание Лукрециу, козоровъ служилъ для него, конечно, образцовъ зольско въ означеннй формк, а никакъ не содержаній, сообразилъ рядъ, Диалоговъ (Разговоровъ) въ царствъ Лерувиль¹⁾, "чтобы герцогъ могъ лучше узнать видаточнейше дядьзелей прошедшкхъ вѣковъ и охъ миль научитьсѣ политическою и ширейскою мудрости²⁾. По, слѣднмль и саммль басмнмль его зрудовъ, написавъ, поимъ для зой мѣ цталм, были Les aventures de Télémaque, fils d'Ulysse ("Приключеній Телемака, сына Улиссова", 1699), поэма въ прозѣ, козораъ должна была довершнть воспитаніе герцога, свези къ одной цталм вѣтъ уроки и наставленія Френелона. Въ 1693 г. Френелонъ былъ едѣланъ членомъ Академіи, а въ 1695 г. отъ получилъ^{epixi-} епископскую ка-седру въ Камбре; знаменнмль²⁾ Телемакѣ былъ написанъ въ 1695-1696 гг. Векоръ посылъ зрго началм не, счасія Френелона; гуманнмль епископъ казался слишкомъ либеральнмльмль содернмльмльмль королю и его повнмльмль мбднмльмль; къ зоню мѣ отъ безумнмль въ полемнмль съ бюсозроитъ, своннмль бывшнмль членемъ, и наня под, веръ его мнзреднмль³⁾. Въ 1698 г. начали печататъ во Франціи его Телемака, но печатаніе было озаповѣнено полиціей; но черезъ нѣсколькѣ мѣсѣцевъ, въ 1699 г., когда книга Френелона вышла въ Гатъ (съ знаменнмльмльмльмльмльмльмль), но буднмль Френелона ея авзора узне въ полнмль

1) Dialogues des Morts, 4- въ 1700 г., 45- въ 1712 г., 67- въ 1718 г. (éd. de Ramsay).
 2) Traité de l'existence de Dieu, 1-re partie, 1713.
 3) Оперозная бюсоз, Френелонъ издаваъ свое Explication des Maximes des Saints "pensee" его Etats d'Oraison. Книга произвѣдла скандалъ, и отъ зертнмль кружнмль. Его похнмль мѣ вѣтъ, кромѣ медонскаго кружнмль друзей. Король запрещаетъ ему власт оправдыватъ въ Римѣ.

нежели: онъ былъ удаленъ отъ двора съ лишешней званій и пенсіона. Король никогда не просилъ ея, сына, удаленный въ свою епархію Камбре, онъ живезь жалъ, лишешній згула воспитателя принцева и дождь, съ нить соединенныхъ, но продолжалъ перени, съварся со своимъ бывшимъ воспитанникомъ, которій послъ смерти оуца сталъ дофинансъ (1712), и отъ козорало Френелона и Франція издали исправленія ветьхъ золь. Но смерть воспитанника и друга Френелона обманула веть надежды. Сильная представленія о будувіяхъ Франція, конечно, золько увеличивали нерасположеніе король, которое, впрочемъ, Френелонъ сносилъ покорно и благо, душно. Онъ уморъ въ Январь 1715 года, стало буть за полгода до смерти Людовика XIV, позерявъ все, что было дорого его сердцу. ✕

Возръ выраженіе содержания, Приключеній Телемаха. Телемахъ, дудузія влассузелъ Мзаки, сопровождаемый Мензоронъ, оуекиваеъ своего оуца Уллисса, сзраноу, поцаго съ самаго разрушенія Трои. Показавъ различныя сзраны, царевичъ, ~~притомъ~~ ~~къ~~ ~~Мзаки~~ ~~попавши~~ ~~близку~~ ~~съ~~ ~~Мензоронъ~~, послъ кораблекрушенія, къ нимъ, отъ Каминсо, разеказываеъ ей свои приключенія. По, золь Телемахъ и Мензоръ попадаютъ къ Мзаки, козорай биль когда-то царемъ Кривды, а зеперь, въ, спанній своимъ подданнскимъ за разныя насилія, цар.

свечи въ Салемъ, — городъ вновь основанный или въ
 Бетерин. Еще не умерла въ немъ суража по завоеваніи
 и не утратило преемное владѣніе, — но горькая опытная
 елишила его гордый характеръ, и отъ окошко вѣдущаго
 события Мензора. Въ этихъ событіяхъ и заключаются все мысли
 книги. Политическіе намеки и экскурсы кажутся уже
 съ первыхъ книгъ или началъ (I—VI), по поводу пребыванія
 героя въ Визитъ; они усиливаются съ VIII кн. и составляютъ
 главный интересъ въ кн. XII, гдѣ Мензоръ реформируетъ
 Салемъ и, наконецъ, самого Моголеня. Политическая мо-
 раль книги Les aventures de Télémaque крайне незамысловата.
 Основаніе ея — неограниченная монархія; но монархія,
 которая должна преемственно вѣдѣть силой и блескомъ,
 должна забыть все завоевательныя войны, все роскош-
 ныя праздники и разорительныя постройки, — и думать
 только о благе народномъ, покровительствуя земледѣлю
 и торговлю, поддерживать въ народѣ патриархальную про-
 сору правды.

Средствомъ въ Телемакѣ является приверженность
 неограниченной монархіи, какъ и Госселю, но отъ въ,
 движаясь на первый планъ обязанности монарха, а не права
 его. Власть отъ Бога предоставлена государю только съ усло-
 віемъ, что отъ умопределяетъ ее исключительно на всеобщее
 благо. Онъ долженъ любить своихъ подданныхъ, какъ друзей,
 и не долженъ мучить себя, только бы отыскать имъ наслажденія;

въ узды иль державы отъ допущены не сраховать, а любовью.
 Френелонъ не находилъ словъ, чтобы воехвалить счастье
 подданныхъ добраго монарха, но за то жестоко порицалъ
 огульное оу идеала: дурные цари — бичъ рода чело-
 векаго; они вредные мора, голода и наводненія. Война
 есть страшное бѣдствіе и мизеръ былъ оправданъ только
 въ случаѣ неизбежной необходимости; война, затѣваемая
 монархами для удовлетворенія своего самолюбія, для
 ненужнаго расширенія предѣловъ — преступленіе, пору-
 шеніе законовъ божіекихъ и чело-вѣческихъ.

Не смотря на все невѣжество подобныя сужденія,
 книга эта была счтывалась подвигомъ въ ту эпоху, когда
 произволъ королевской власти признавалъ страшными
 гонимъ на обществѣ, зараженными самыми радски-
 ми приводами. На личные намеки, на порозрды
 правительствующихъ лицъ, добродушный епископъ
 Френелонъ конечно не рискнулъ; зато не менше
 современниками его показало, что въ нидеръ Ка-
 шисо отъ изобразилъ маркизу де Мондеспанъ, въ
 Эвхаристъ — герцогиню де Франзонъ, въ Андрионъ —
 герцогиню Бургундскую, въ Прозазилаъ — ненавистнаго
 Лубца, въ Сесоезистъ и Угоменетъ — пасука Жакова II
 англійскаго, и главными образомъ самого Людовика XIV.
 Такая пошла эта книга и самъ король, когда она по-
 явилась въ печати.

Идеаль общеземельного благоухроустройства, проводимый Френеломомъ въ Шалемакъ, не имать ничего общаго съ революціей. Мензоръ дѣлитъ отиделъ Саленза на 7 классовъ по благородству рожденія и по сосрзоданію и для каждаго класса устанавлваетъ особую одесиду. —

~~Написана еще въ формѣ и богаухроуства вышесказаннаго содержания.~~

Шалемакъ написатъ прозою, но дѣлитъ, какъ Илиада, на 24 книги или поэмы; какъ Одиссея и Энеида, на гимназю ея тедіис тебус, впагда разскажъ о предтеухроу, вавшихъ собыдідяхъ въ чета герого-разсказуцку; подобно бестомъ зрель великимъ эпонедамъ древноухроу и вестомъ многочисленнымъ подраснаніямъ, Шалемакъ вводитъ въ крукъ дѣйствіа боготъ, изъ козорныхъ одни сгароухроу вредухроу герого, другіе помогаухроу ему; но это чухроуе боготъ, мепомое въ „націоналнотноткѣ“ мепухроуебнотноткѣ Эпонедахъ новыхъ народотъ въ родѣ „Изалім, освободителнотноткѣ отъ Тозотъ“ ^{или мепомосителнотноткѣ} ~~или мепомосителнотноткѣ~~ ^{древнотноткѣ Эпонедахъ} ~~или мепомосителнотноткѣ~~ Пепра Великаго, вполнотноткѣ дѣйствотноткѣ при описаніи приключеній сына Фрелисова. Фрелисотноткѣ знаухроуе древноухроу, Френеломъ проводухроуе насъ по вестомъ сфраманѣ греко-воухроуежнаго мѣра, искусно впадеухроуе въ замкнотноткѣ мѣра, романѣ приключеній всю грекескую мѣра и героологію, дополнотноткѣ своихъ воображеніямъ земное или прозвотноткѣ мѣра мѣра мѣра; но отъ предсавлаетъ древноухроуе не какъ чухроуебнотноткѣ, а какъ мѣра и свѣтскій челоухроуебнотноткѣ своего времѣннотноткѣ, проухроуебнотноткѣ ея

христианской земледельческой и гуманностию нового времени, дополняя ее идеализацией пасторали (см. II книгу), описаниями карриков, украшавшими дворцы и дома знатных (см. напр. конец IV книги — плавание Корродура); тонкими психологическими соображениями и, главное, новыми идеями.

Боссуэз, неумолимый прозивник Фрелона, впрочем не особенно знающий в издичной литературе, дает в одной описке о Телемаке, говоря, что это „efféminé“ (изысканное) и „outré dans toutes ses peintures“ (преувеличенное — непотопное во всем карриках). Но эта книга имела как греческая книжка во время всего XVIII столетия большой фурор, хотя и не многоислен, все любовные эпизоды, во вкусе романов гривизы Складери, обозначены весьма мягкого („tendre“) да еще поводь нашь генерал привидется тому, как могли назначить такую книгу для чтения незрелым детям. Несмотря на то, *Les aventures de Télémaque* — „Приключения Телемака“ и во настоящее время — греческая книжка, известная весьма по опискам, почитаемая лишь в христианстве, как образец издичной и легкой прозы, блестящих описаний и речей. А между тем во момент своего подвешия эта книга имела разноманifestовань новых идей, да и во иероглифической литературе она имела огромное значение.